

Переселенцы. Возвращение памяти

Как появилось в Сибири село Ермаки

*Не могут люди вечно быть живыми,
Но счастлив тот, чьё будут помнить имя.*
(Алишер Навои)

Начало

Прежде чем начать в этой статье свой рассказ, мне, очевидно, надо написать несколько строк о себе.

Сейчас я живу в Санкт-Петербурге, хотя мой путь туда был непрост. Я родилась не в Сибири, а в Средней Азии. Но вся моя дальнейшая жизнь неразрывно связана с маленькой сибирской деревней под названием Ермаки.

Но об этом чуть позже. А сейчас я хочу рассказать о том, чем занимаюсь нынче.

В прошлом я геолог, а эта профессия неразрывно связана с поисками и открытиями. Только теперь, в отличие от открытия месторождений нефти и газа, я открываю в архивах неизвестные мне залежи имён двух своих родов – Мельниковых и Новиковых и имена их односельчан – переселенцев из Беларуси. По церковным метрическим книгам я читаю страницы их жизни и жизни села Ермаки, других окрестных деревень. Я воочию представляю себе многие события, происходившие там, в Ермаках, больше ста лет назад и в годы революции и коллективизации, в годы раскулачивания и в годы войны. Этот процесс оказался не менее увлекателен и интересен, чем мои трудовые геологические будни.

А началось всё так.

Июльским днём 2016 года я готовила на своей питерской кухне обед. На подоконнике тихо работал телевизор. Я изредка поглядывала туда – там на канале «Культура» начиналась очередная передача из цикла «Россия – любовь моя». Вдруг я увидела на экране учёных-этнографов, которые вели разговор о сибирских поселениях белорусов в Викуловском районе Тюменской области. Я услышала знакомые с детства названия деревень: Ермаки, Еловка, Осиновка...

Стоя, как вкопанная, уставившись на экран, я всматривалась в знакомые лица односельчан, слушала их рассказы о жизни потомков белорусов-переселенцев, сохранивших обряды и быт своих прадедов до наших дней.

Я многое помнила и знала из того, о чем шёл разговор, и мне вдруг тоже нестерпимо захотелось поделиться своими воспоми-

нениями о жизни в Ермаках, у бабушки-переселенки. Нахлынувшие воспоминания было просто не остановить...

Одним из участников той программы был этнограф Роман Юрьевич Фёдоров, учёный из Тюмени. Но как с ним связаться, я тогда не знала.

Муж посоветовал написать прямо в редакцию телеканала «Культура», однако выход нашёлся другой: на помощь пришёл интернет! Я стала искать Фёдорова в социальных сетях, а пока начала вести записи своих воспоминаний – надо было как-то себя ему представить. Я нашла Романа Юрьевича, отправила ему первое сообщение, предложив пообщаться на тему белорусов-переселенцев, которой он занимался уже несколько лет. Он живо откликнулся на моё письмо. Так и зародилась наша с ним дружба.

Тогда, два года назад, я боялась к нему, учёному, и подступить. Но мои опасения оказались напрасны. Роман Юрьевич неоднократно бывал уже в Ермаках и соседних деревнях, основанных белорусами, знал там многих моих односельчан и поэтому общаться с ним было очень легко. Он стал знакомить меня со своими научными исследованиями и работами на тему жизни переселенцев, а я рассказывала ему о своей недолгой жизни в Ермаках среди переселенцев, в числе которых была моя бабушка и её большая родня.

Из моих близких в Ермаках никого давно уже не было в живых, но оставались связи с бывшими одноклассниками и немногими дальними родственниками, живущими в деревне. Связи, которые мне предстояло восстановить.

Я стала собирать недостающую информацию о своей родне и событиях, происходящих в Ермаках в разные годы жизни деревни, расспрашивая по телефону или через интернет всех, кто так или иначе мне мог помочь. Я понимала, что этих сведений мне недостаточно, захотелось воскресить все имена близких родных. Для этого нужно было отправляться в архивы...

Не могу сказать, что эта тема меня не волновала раньше, – нет, ещё как волновала! И хотя я прожила в Ермаках всего пять лет, но это был тот возраст, когда ребёнок уже способен воспринимать окружающий его мир таким, каков он есть.

Мне было двенадцать лет, когда меня после смерти мамы забрала к себе из Средней Азии в Сибирь бабушка – её мать Анна Харитоновна Новикова. Многое здесь было незнакомым, иногда пугающим. Но я, словно губка, впитывала всё из новой деревенской жизни, а бабушка сильно помогала мне в этом. Всё, что я знаю и помню из той моей сиротской поры о белорусах-переселенцах, пришедших более века назад на землю сибирскую, о своих корнях, пришло ко мне из бабушкиных рассказов и воспоминаний тех ныне живущих людей, кого эта тема также интересует сейчас.

Бабушка Анна была в моём понимании в ту пору уже глубокой старушкой: моя мама была её десятым ребёнком, а я – десятой внучкой, и лет ей, моей бабе Ганне (так называли её в деревне) было за семьдесят с лишним.

Не могу сказать, что деревню я эту не знала: мы иногда с мамой гостили там в отпусках. Но одно дело – короткий отпуск, и другое – длинная жизнь...

Моя новая жизнь началась летом 1968 года, когда меня привезли в Сибирь – как мне казалось, навсегда. Трудное это было время:

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

*Моя мама
Анна, я и ба-
бушка Анна
Харитоновна
Новикова.
1957 год. Фото-
графия из архива
Е.Л. Новиковой.*

не стало мамы, не было рядом друзей, не было ничего из той южной, солнечной жизни в этой глухой, Богом забытой деревне. Всё было чужим, серым, безрадостным...

Я до сих пор помню бесконечные злые и холодные дожди августа шестьдесят восьмого, беспролазную грязь на дорогах, в которой тонули машины, гружённые зерном и старух, приходивших в наш дом на меня посмотреть и меня пожалеть.

Я пряталась от них на тёплой русской печке за занавеской, затыкала ватой уши и бесконечно читала – благо, что двоюродная сестра Галя работала в сельской библиотеке, и книжки в доме не переводились. Это было спасением.

Но иногда я прислушивалась к разговорам гостивших в доме старух, и порой не всегда понимала, о чём и на каком языке они говорят. Их речь была вроде бы русской, но со множеством незнакомых слов. Я и бабушку свою порой не очень понимала, и было несколько забавных случаев, когда её вопросы и просьбы ставили меня в тупик. Как-то она разлила молоко из подойника и крикнула мне с кухни: «Алена, Алена, внучечка, выйдзі на ганак, ды паглядзі, ці няма там анучы на прясле?». Я вышла на крыльцо, лихорадочно соображая, где же этот ганак, и что такое прясло с анучей? А бабушка, моя милая бабушка, стояла сзади, тихонько посмеиваясь. Конечно, ганак оказался крыльцом, на котором я стояла, прясло – забором, а ануча – тряпкой...

Я присматривалась к новой жизни, приноравливалась к порядку в доме и потихоньку привыкала к нему, к деревенским делам, ну и к бабушке, конечно, к её спокойной и размеренной речи на не всегда понятном мне языке.

Потом началась школа, колхозные картошка и лён, на уборку которых гоняли весь сентябрь школьников. Я не умела копать картошку и драть лён и зачастую становилась предметом насмешек и шуточек своих одноклассников. На помощь всегда приходила бабушка: благо, что огромный, с гектар, домашний огород с картошкой был под боком, и учиться копать картошку мне было у кого. Бабушка показывала, как это делать, не спеша и обстоятельно: как подкапывать куст вилами, как отряхивать клубни, как разрывать землю и выбирать все до единой картофелины. Но лён, лён мне не давался! Однажды, придя с колхозного поля домой с ободранными по локоть руками, я заявила, что не только завтра в поле не пойду, но и в школу тоже ходить не буду.

«Не, – сказала бабуля, – і лён я цябе навучу драць і снапы вязаць, толькі нічога не бойся! Усяму можна навучыцца, толькі не лянуйся. Ты вось як кніжкі свае хутка чытаеш, а я так і не навучылася – усе лён прала ды ткала, з дзяцінства. Што той лён у параўнанні з кніжкамі!.. Можа, і мяне калі-небудзь навучыш тым буквам». Молча взяла меня за руку и повела на поле.

Так и стали жить: она учила, а я не ленилась.

Всё, чему я научилась в деревенской жизни, было от неё, от моей милой бабы Ганны. Долгими зимними вечерами сидела она

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

за своей вечной прямой-самопрямой, а я, устроившись за кухонным столом с учебниками, делала уроки при свете керосиновой лампы. С электричеством в Ермаках тогда было плохо, работал слабенький дизельный движок, который выключали в восемь часов вечера, когда заканчивалась дойка коров на ферме. Мы сидели с бабушкой в тёплой и уютной кухне, каждая за своим делом, и, прерываясь, вели неспешные разговоры. Мне интересно и любопытно было всё в новой для меня деревенской жизни, и я порой засыпала бабушку вопросами. Но больше всего меня интересовало, почему такая необычная речь в деревне, и кто они такие, ермаковцы, и откуда взялись в Сибири? И не только они, а и жители соседних деревень – Еловки, Осинówki, с детьми которых я училась в школе. И бабушка рассказывала, что все они «переселенцы из Расаи, из Могилёвской губернии». Село, в котором она родилась, называлось Рогинь, что в Рогачевском уезде.

*Одно из зданий
Ермаковской
школы. 1960-е гг.*

– Бабушка, – говорила я, – в России все говорят по-русски, а ваш язык совсем другой! Может, это не Россия, а какая-то другая земля?

– Другая, – отвечала бабушка, – в той Расаи, откуда я, есть земля Белоруссия, так вот, мы оттуда и пришли.

– Как пришли? – спрашивала я её, – пешком, что ли?

Я находила в географическом атласе неизвестную мне тогда Белоруссию, прикидывала, как далеко она от Сибири, и ничего не понимала! Мне, девочке живущей в середине двадцатого века и прилетевшей в Сибирь из Средней Азии на самолёте, было не очень понятно, как можно было и, главное, зачем нужно было идти пешком в дремучий сибирский лес. И я пыталась бабушку дальше.

Эту невероятную историю переселения её семьи, рассказанную мне, я хранила всю жизнь в своей памяти, берегла долгие годы. Спустя пятьдесят лет я воспроизвожу бабушкины рассказы почти дословно, дополняя её историю о переселении многочисленными сведениями из архивных документов и воспоминаниями тех потомков переселенцев, которых разыскала по разным весям и городам, и кто так же, как и я, равнодушен к истории своего рода, к истории своей земли.

Самоходы

Наивно было бы полагать, что история переселенцев интересовала только меня одну. Тот же Роман Фёдоров, как я узнала, много лет подробно изучает не только быт и обряды, сохранившиеся в Викуловском районе, но и весь процесс переселения белорусов – от Сибири до Дальнего Востока.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

*Переселенцы в пути на зачисленный за ними участок.
Начало XX в.
Фотография из архива РГО.*

Об этом я прочитала много литературы. Если попробовать очень коротко изложить этот процесс, то выглядел он примерно так.

Главной причиной переселения было малоземелье. После освобождения от крепостной зависимости в 1861 году многие крестьяне были вынуждены арендовать помещичьи земли, а часть земли передавалась в крестьянскую общину. Но это зачастую были плохие земли, «бросовые». Надела было недостаточно для прокорма семьи, а налоги непомерно высоки.

И тогда крестьяне снимались с насиженных веками родовых мест, сотнями и тысячами шли за Урал. Это был стихийный процесс. Государство периодически предпринимало попытки упорядочить эту стихию. Но только в 1889 году появился закон об организованном переселении. При комитете Сибирской железной дороги было создано Переселенческое управление. Оно оказывало от лица государства помощь и поддержку крестьянам-переселенцам с западных окраин империи (Белоруссии, Украины, Лифляндии и пр.). В Сибири им выделялись большие наделы земли (до 15 десятин на мужскую душу), выдавались денежные ссуды на путевые расходы и домообзаводство в размере от 10 до 60 рублей на семью, а то и больше. Кроме того, переселенцам предоставлялись: шестилетняя льгота от воинского постоя, четырёхлетняя льгота от податей, а на три набора они освобождались и от рекрутской повинности.

Слухи об этом быстро проникали в крестьянскую среду, иногда в преувеличенном виде. Именно этим объясняется огромный масштаб сибирского переселения в 1896 году, когда переселенцам стала оказываться существенная помощь из средств богатого комитета.

Для переселенцев из западных и центральных районов империи в 1892 году был организован Челябинский переселенческий пункт. Согласно документам, в 1894 году через него прошло 7896 человек, а в 1896 году – уже 190310 человек.

Очень широко была распространена в те времена практика ходочества. Ходоками становились отдельные члены семьи, отправлявшиеся в дальнюю дорогу на несколько месяцев. Снаряжались ходоки и от целых крестьянских обществ или артелей, шли в разведку на новые места на основании слухов или рассказов бывалых людей. Шли либо «на авось», либо руководствуясь указаниями,

которые выдавал приезжавший в деревню представитель Переселенческого управления от той или иной губернии. В этом случае ходоки получали документ, который назывался «ходаческое свидетельство».

Переселение допускалось только из малоземельных местностей, где угодий приходилось менее 5 десятин (5,5 га) на душу.

Окончательно Переселенческий закон был утверждён 13 июня 1889 года. С 1892 года переселенцы направлялись в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии: там земли были малонаселёнными...

Но об этом и многом другом я узнала гораздо позже. А первые сведения, как я уже сказала, пришли ко мне от моей бабушки.

«Мы – самоходы, – говорила мне баба Ганна, – потому что сами пришли в Сибирь своим ходом, никто не гнал. Родной брат моего тятеньки Евдоким был «ходоком», который ушёл из Рогини выбирать место для переезда в Сибирь. Потому здесь, в Ермаках, нас долго называли Ходоковыми, а не Мельниковыми. Я не помню той дороги, малая совсем была, всего-то три годочка, но от старших братьев и сестёр знаю, что добирались в Сибирь долго – с весны до лета».

Когда, в каком году они перебрались в Сибирь, я тогда не запомнила, а может, и не спрашивала бабушку об этом, но зато запомнила навсегда, что бабушке было всего три года, а старшей её сестре Акулине было четыре или пять. Много лет спустя эти её «всего три года» станут мне отправной точкой в расчётах времени их переселения в Сибирь. Помню, что она рассказывала, как везли их с сестрой Акулиной из Ишима до Ермаков в больших плетёных корзинах, перекинутых через круп лошади, а остальные братья и сёстры шли пешком – были уже большенькие.

Я ещё застала в живых старших бабушкиных сестёр: Зиновию, Евфросинью, Акулину и младшую – Ксению, родившуюся уже в Ермаках, а вот о братьях была только слышана. Сколько же всего детей было в семье, я не знала тогда.

Но шли они не одни. С ними в Сибирь на выбранное Евдокимом Мельниковым место отправились несколько десятков семей

*Переселенцы
конца XIX века.
Фотография.
Государственный
архив Челябинской
области.*

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Анна Харитоновна Новикова (Мельникова) с дочерьми Верой, Анастасией, Зинаидой, Анной и племянницей Александрой Щербакковой. Ермаки, 1937 год.

**ГОЛУБАЯ
ЗЕМЛЯ**

№ 1 - 2018

с малыми детьми и стариками-родителями не только из села Рогино, но и из деревни Бушевка – так переселенцы назвали потом свои улицы в новом поселении в Сибири – в Ермаках. Были там переселенцы и из других белорусских деревень.

– Зачем же шли? – спрашивала я.

И бабушка рассказывала, что от худой доли да от безземелья они уходили с родины, и что в Сибири обещал им царь свободу от панов и, главное, землю обещал. Рассказы эти мне были не очень понятны, но очень запомнились.

– Ну, расскажи мне тогда о своей земле белорусской, – просила я её.

– Внучечка, – говорила мне бабушка, – так я ж её не помню. Мне всего три годочка было, когда меня в Сибирь привезли. Тятенька ска-

зывал, что красивая была та земля, тёплая, и что яблоки там росли. Не видала я никогда боле родины своей, кроме как в детстве, и уже не увижу, а как бы хотела хоть горсточку земельки той поддержать...

Я искренне соперничала бабушке, потому как и сама недавно лишилась милой солнечной родины, и обещала ей, что, когда вырасту, то обязательно поеду в ту далёкую страну и найду её Рогино, и привезу ей целый мешок земли.

Ровно через пятьдесят лет я исполнила обещание, данное тогда, в далёком 1968-м. Увы, бабушки уже давным-давно нет на свете, но по-прежнему живо всё, что с ней было связано...

Но вернёмся назад, к тем временам, когда я жила в Ермаках, не переставая удивляться деревенской жизни.

Дом наш стоял под горой, на невысоком косогоре, окружённом лесом, до моста через речку Тенис. Это место, нижняя часть деревни, было как-то обособлено и походило на небольшой хутор в 15 дворов. Называлось оно Салыповкой.

До основной части Ермаков по дороге через речку, мимо озера и в гору, на увал, было с километр-полтора, а до школы – и все два. Весной и осенью, в распутицу, на дороге была непролазная грязь, и поэтому нас, салыповских ребятишек, легко было определить по высоким резиновым сапогам, в которые нас обували. Ермаковские же дети ходили почти посуху: на горе, в самой деревне, можно было ходить в туфлях и ботинках. Бабушка рассказывала, что в пору её молодости по улице Бушевка, с которой, собственно, и начиналась деревня, были проложены деревянные тротуары, которые скоблились и мылись каждую субботу жителями улицы. Я не застала в свою бытность там тротуаров, но легко могла себе представить деревенских щеголих, спешащих на вечерки по этим тротуарам в лёгких ботиночках. Такие ботиночки из бабушкиного приданого хранились у неё в сундуке. Деревня была чистая, ухоженная. В палисадниках к осени расцветали астры и георгины, так что школьники всегда были обеспечены букетами к первому сентября.

А ещё почти во всех городчиках (так называла баба Ганна маленький огородик рядом с домом, на котором выращивалась раз-

ная овощная мелочь: лук, чеснок, бобы, горох) на высоких жердях рос хмель: в деревне почти все варили знаменитое белорусское пиво, названное самоходским. Без пива не обходились ни в один праздник, ни в одну «помочь», варили всегда много. Помогала бабушке в этом действе и я, хотя силёнок порой не хватало. Всю технологию пивоварения помню до сих пор. Больше такого пива, как в Ермаках, я не пила нигде. Рецепт этого пива, принесённый самоходами из Беларуси сто двадцать лет назад, до сих пор сохранился только в сибирских деревнях, основанных переселенцами. Варю такое пиво с недавнего времени и я в своей питерской квартире, восстановив весь процесс...

Я расспрашивала бабушку о её семье, о родителях, братьях и сестрах. В девичестве она была из рода Мельниковых, а по мужу стала Новиковой, семьи и той и другой фамилий пришли в Сибирь вместе из одной деревни Рогинь. Отец её Харитон был мельником, как и его старший брат Евдоким, как и их отец Григорий Емельянович, как и все мужчины их рода. Отсюда и фамилия пошла – из мельников.

В пору своей недолгой жизни в Ермаках (прожила я там до окончания школы в 1973 году) я знала многих ермаковцев, и стариков и детей. Многих помню и сейчас. И всегда удивлялась тому, что многие из них доводились нам родственниками. Кто бы ни приходил к нам в гости, кого бы мы ни встречали с бабушкой на улицах села или в магазине, все были роднёй. Спрашивала у бабушки:

– Это кто?

– Это Зеня Ольчиха (Олькова, значит) – родня по деду Семёну Новикову.

– А это кто?

– А это Нюра Карпиха (жена Карпа Чернякова), племянница она мне...

И так – со всеми: Черняковы, Воробьёвы, Юрковы, Жариковы, Цитриковы, Палашкины, Чекановы, Щербаковы, Босяковы, Зубаревы, Суздаевы, Грещенко, Сердюковы, Филипповы... Все были в нашей родне.

А ещё в родне были Ковалёвы из Спирихи, Андрейчиковы и Марковы из Жигулей, а из Еловки были Поздняковы и Павлюченко. Деревни эти тоже были белорусскими.

Тогда, в детстве, я не вдавалась в подробности этого родства, но теперь, когда прочитала сотни страниц метрических книг каргалинской и ермаковской церквей о рождениях и бракосочетаниях, знаю, кто с кем и когда породнился из этих фамилий на земле сибирской. И оказалось, что на самом деле все в Ермаках – родственники!

Бабушки не стало в марте 1974 года. Она не дожила до восьмидесятилетия всего два месяца. К тому времени я, уехав из деревни, училась в Ташкенте. Телеграмма из Ермаков о её кончине пришла

Паспорт, выданный жительнице Ермаков Лукерье Прокопьевне Босяковой (дев. Крупниковой) – уроженке Рогини. Светокония из фондов Ермаковского музея.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Семена хмеля - основного компонента для варения пива - переселенцы принесли с собой в Сибирь из Белоруссии. Еловка, 2002 год. Фотография Г.А. Крамора.

поздно, проститься с бабой Ганной я не смогла. Но обещание своё, данное ей при её жизни – найти деревню Рогинь и привезти оттуда хоть горсточку земли, поклялась исполнить обязательно!..

Минуло почти полвека, прежде чем я всерьёз занялась восстановлением истории своего белорусского рода и поиском исторической родины своих дедов и прадедов-переселенцев...

Снова «отлистаю» время назад, и вернусь в год 2016-й, в сентябрьские дни.

Однажды, общаясь по телефону с кем-то из ермаковцев, я услышала о том, что в Ермаках работает съёмочная группа Белорусского телевидения, которая создаёт документальный фильм «Самоходы» о жизни потомков переселенцев. Попросила с кем-нибудь из этой группы меня познакомить. Так в моей

жизни появилась Ольга Александровна Лобачевская, профессор, доктор искусствоведения Белорусского государственного университета культуры и искусств из Минска, руководитель той самой съёмочной группы. Мы познакомились и подружились заочно благодаря теме переселенцев, а потом уже и встретились в Беларуси. Но об этом чуть позже.

Я обрастала связями с земляками-ермаковцами, связями с учёными России и Беларуси, знания и помощь которых были мне невероятным подспорьем в моей работе, а делились они со мной многим. У меня благодаря интернету появлялись и новые помощники, живущие далеко за пределами Ермаков и никогда там не бывавшие, но одержимые поиском своих корней. Удивительное притяжение случилось между нами: мной, Ларисой Прокофьевой из Нижнего Новгорода, Наташей Гагариной из Тюмени (чьими прадедами были тоже выходцы из Рогини и Бушевки).

Лариса ведёт свою родословную по роду Палашкиных, а Наташа – по Фоминым. Они, в отличие от меня, тогда новичка, оказались более профессиональными, и я им безмерно благодарна за совместный труд. Они направляли и ориентировали меня в архивных поисках, делились со мной опытом и добытыми материалами, и делали это совсем бескорыстно, как, впрочем, и все, кого я так или иначе узнавала и вовлекала в эту удивительную и захватывающую тему изучения своих белорусских корней.

Поиски, встречи, открытия

Архивы Санкт-Петербурга, Тюмени, Тобольска, Челябинска, Омска, Тары, Ишима, в которых я работала и работаю эти два года – удалённо в режиме онлайн и «вживую», стали для меня почти родным домом. Их кладовые манят и манят до сих пор, а те материалы, которые мне удалось собрать и прочитать в них, поистине бесценны и уникальны.

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Но чем больше я добывала из архивных недр информации, тем больше понимала, что ничего практически не знаю ни о своих корнях, ни об истории Ермаков. Хотя ранее время от времени предпринимала такие попытки. Отмотаю сейчас назад лет десять и расскажу о первом опыте поиска Рогини – исторической родины своих переселенцев и о моей первой встрече с Беларусью.

Живя уже в Петербурге, я собиралась в командировку в Витебск и позвонила в одну из его гостиниц, чтобы забронировать номер. На другом конце провода в другой стране трубку сняла администратор гостиницы по фамилии... Новикова! Её звали Светланой. Мы познакомились и разговорились, а следующим вечером, несмотря на свой выходной, она встретила меня на вокзале в Витебске и проводила в гостиницу. Это было трогательно. Я пригласила её на чай и в разговоре поведала о своём желании найти здесь, в Беларуси, родную деревню своей бабушки. Рассказала Светлане всё, что знала тогда о своих переселенцах в Сибирь.

Это был первый человек, с которым я поделилась своим сокровенным желанием прикоснуться к малой родине своих предков. Разошлись мы далеко за полночь, а наутро Светлана пришла ко мне в номер с подробной географической картой нынешней Беларуси: моя история показалась ей интересной и она захотела помочь.

Мы ползали с ней до начала рабочего дня по расстеленной на полу карте в поисках деревень Рогинь и Бушевка. Я помнила по рассказам бабушки, что обе деревни, которые мы искали, относились к Рогачёвскому уезду Могилёвской губернии. Однако в нынешней Могилёвской области и Рогачёвском районе таких деревень не оказалось. Но нашлись они – Рогинь и даже две Бушевки – в соседней, Гомельской области, в Буда-Кошелевском районе. Я не знала тогда, что за прошедшие сто с лишним лет границы областей менялись по несколько раз не только в Беларуси, но и у нас в России. С этим мне ещё не раз в будущих поисках предстояло столкнуться и разбираться в том, почему так происходило. Тогда же, в витебской гостинице, мне было непонятно, что с этим делать дальше. Те ли это деревни, что я искала? Не зная, что делать, отложила дальнейшие поиски.

А пока я гостила в Витебске, в этом удивительной красоты городе.

В один из вечеров я возвращалась в гостиницу и услышала громкую перепалку сидящих у ближайшего магазина продавцов картошки и зелени. Подойдя поближе, я увидела главного спорщика: это был пожилой мужичок в мятом пиджачке и кепке, который сидел на мешке картошки, а перед ним стояла пара вёдер для продажи. Мужик явно был деревенским, рядом с ним сидели ещё такие же, как он, продавцы картошки. Спорил он, очевидно, с покупательницей, которую не устраивала цена. Я не вспомню сейчас, что они говорили друг другу. Мне было важно слышать, КАК они говорили!

Я стояла, словно заворожённая, слушая такую нестерпимо знакомую до боли белорусскую речь – мову. Я мало что из неё, правда, понимала, но никак не могла оторвать глаз от этих спорщиков.

Мужик все распаялся, пока не заметил меня, стоящую рядом. Он обернулся ко мне, и недовольно сказал:

– Чаго табе тут трэба, дзеўка? Стаіш тут, вушы развесіла... Ідзі сваей дарогай, не перашкаджай (не мешай) бульбу прадаваць!

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

Вид с Бобровского увала по дороге из Викулово на Ермаки. Август 2017 г. Фотография Е.Л. Новиковой.

Возвращаясь в гостиницу, всю дорогу думала о том, что вот сейчас иду по этому вечернему городу, а душа моя радуется пусть хоть и грубой, но с детства родной белорусской речи, только что услышанной. От такого сильного потрясения я заплакала...

Вернулась в Петербург, и вновь закрутили меня работа, дети и внуки. Жизнь шла своим чередом. Я иногда возвращалась к воспоминаниям о встречах на витебской земле, перебирала в памяти разговоры со Светланой, вспоминала продавца картошки, и как-то очень тепло становилось на душе, так, будто я на родине побывала.

Зимой 2012 года я получила от своих ермаковских одноклассниц, которых разыскала в социальных сетях, приглашение на вечер встречи выпускников. В Ермаках в пору нашей учёбы была только восьмилетняя школа, поэтому в девятом и десятом классах мы доучивались в школе, которая находилась в соседнем колхозе, в селе Каргалы. Предложение было заманчивым – многих своих одноклассников я не видела с самого окончания школы в 1973 году, и встретиться с ними очень хотелось. На встречу собирались приехать многие – ведь мы не виделись целую жизнь.

Был и ещё один повод поехать. Каргалинской средней школе исполнилось сорок пять лет и кроме выпускников разных лет на юбилей приглашали многих учителей, которые преподавали там в разные годы. А учителя эти были просто замечательные! И вот появилась возможность увидеть их, обнять, поделиться с ними всем, что мы, их ученики, успели сделать в жизни. Всю жизнь я с теплом и благодарностью вспоминаю их: Валентину Павловну Рашову, Зинаиду Павловну Кротову, Клавдию Петровну Гончарову, Ивана Дмитриевича и Людмилу Александровну Гориных, Валентину Павловну Черкащенко, библиотекаря Марию Семёновну Жданову, к которой частенько бегала за книгами. И, конечно же, главного человека школы – Юрия Григорьевича Ананьева, бессменного в течение многих лет директора, которого любили и обожали абсолютно все: и двоечники, и отличники. Школа была сильной, многие выпускники становились студентами ведущих вузов страны.

Я не была в Каргалах почти сорок лет, да и в Ермаки хотелось заглянуть хоть на денёк-другой. Долго раздумывать не стала, купила билет на самолёт и февральским днём 2012-го полетела из

– Да я не мешаю, я только вас слушаю, – ответила я, смутившись.

– Чаго тут слушаць? Даянку (ругань) нашу?

– Ага, – сказала я, – вы только говорите, говорите, пожалуйста!

Тут смешался уже мужик: он не понимал того, о чем я его прошу.

– А чаго казаць-то? Пра што?

– Да хоть про что, дяденька. Никак не могу вас наслушаться...

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Петербурга в Тюмень. Впереди были встречи, объятия, слёзы радости – и разговоры, разговоры за праздничными столами, накрытыми в классах школы. Это было незабываемо...

24 февраля, в день встречи, на которую со всех концов страны съехались выпускники, торжественно открыли мемориальную доску в память о бывшем директоре школы, Заслуженном учителе России Ю.Г. Ананьеве. С того дня Каргалинская школа стала носить его имя.

После отшумевших празднеств, прощаний и обещаний встретиться ещё не раз, я с одноклассницами Зоей Горбуновой и Таней Мельниковой отправилась в наше родное с ними село Ермаки.

Мы ехали на деревенском автобусе и всю дорогу вспоминали, как в начале семидесятых годов в распутицу весной и осенью по субботам после уроков отправлялись из Каргалов пешком домой на выходные. Дорога тогда была плохая, разбитая, и водители автобусов не рисковали отправляться из районного центра в дальние деревни, доезжали только до Каргалов. Нас же, ребяташек из этих дальних деревень – Бобров, Ново-Боровой, Еловки, Ермаков, Осиновки – училось в школе много, и мы, закинув за плечи свои рюкзаки и котомки, натянув резиновые сапоги, после второй смены дружной ватагой отправлялись в дорогу в ночь – очень хотелось домой. Шли весело – пели песни, шутили, смеялись. Мальчишки частенько забегали вперёд, в лес и выли там волками, пугая девчонок. Шли с фонариками – кругом кромешная тьма, дождь. Сапоги тонули в грязи. Дорога длиной в тридцать километров занимала больше пяти часов. К концу уставали так, что не было сил ни говорить, ни головы поднять.

Часто вспоминаю один эпизод из такого похода домой. Зоя Павлюченко, наша одноклассница из Еловки, хохотушка и юмористка, уставшая в дороге не меньше нашего, однажды остановила нас, закричав:

- Ой, дзеўкі, хлопцы, глядзіце-ка, чудо якое!
- Где? – спросил кто-то из нас.
- Дык вон жа, на небе! Глядзіце, луна – як яечечка!

И мы, задрав головы к небу, дивились тому чуду, что увидела Зоя. Большущая луна, выглядывающая из-за туч, и в самом деле была похожа на куриное яйцо...

Зоя тоже была из потомков белорусов-переселенцев и частенько говорила с нами на языке своей бабушки. В её деревне Еловке, как и в Осиновке, впрочем, к родному языку прадедов-переселенцев относились бережно и считали естественным делом на нем говорить. С нами учились и вместе ходили из Каргалов два Ивана из Осиновки – Шевелёв и Шарайкин, чья речь, как и у Зои, тоже была наполнена белорусскими словечками. Они и на уроках отвечали на белорусском, и все их понимали. В Ермаках же белорусский язык был сильно «размыт» русским, очевидно, потому, что там всегда обреталось много приезжих: центральная усадьба колхоза! Спустя годы я узнала, что такое смешение речи, в которой чередуются белорусские и русские слова, называется «трасянка». Вот так, на этой трасянке, говорят до сих пор в Ермаках и других окрестных деревнях, где живут ещё потомки белорусов...

До дома мы добирались далеко за полночь. Доходя до Еловки, всегда совершали один ритуал. Там, в начале деревни, стоял тог-

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

*Улица в деревне Осинковка с колодецем-журавлём.
Август 2002 г.
Фотография
Г.А. Крамора.*

да колодец-журавль, и мы (откуда только брались силы?) со всех ног бросались к нему, чтобы первыми напиться воды. Пили прямо из ведра, обливаясь, и опять хохотали. Дальше шагало уже легче: до Ермаков оставалась пара километров, от них до Осинковки столько же.

И не думала я тогда, стоя у колодца, что через много лет, уже в новом веке, найду в Беларуси не только Рогинь – родное село своей бабушки, но и побываю в Антоновке – маленькой деревне, откуда родом были прадеды Зои. Не знала я, что разделять эти две деревни будут те же два километра, а возле околицы, сразу за Антоновкой, я припаду к роднику и напьюсь его чистой воды, как когда-то из того еловского колодца...

А дома меня всегда ждала моя баба Ганна. С центральной дороги я сворачивала в свой проулок и, едва завидя в окне слабый огонёк керосиновой лампы, мчалась к дому вприпрыжку. Тихонько стучала и слышала, как бабушка в сенях скидывает с двери крючок.

Она принималась хлопотать, доставая из печки чутунок тёплой картошки, а из подполья – крынку холодного молока. Но прежде всего она ставила на стол маленькую хрустальную рюмочку из своего приданого и наливала в неё граммов двадцать самогонки, настоящей на берёзовых почках – это было её лекарство «ад усіх хвароб». Протягивая мне эту рюмочку, она приговаривала: «На-ка, внучечка, выпі з устатку, і ўся стомленасць пройдзе». Я выпивала, заедала картофелиной и валялась, как куль, спать...

Обратная дорога в школу была проще. В понедельник рано утром мы собирались у правления колхоза в надежде на то, что нас отправят в Каргалы на чём-нибудь – на машине или на тракторе. Выходил к нам бригадир дядя Коля Черняков по прозвищу Лагута и, чертыхаясь на все лады, говорил, что трактор нам даёт в последний раз. Но мы-то знали, что этот его «последний раз» совсем не последний. А потом к правлению подкатывал старенький трактор «Беларусь», мы весело грузились в высокую тележку, набитую свежей, душистой соломой и отправлялись на учёбу. По дороге открывались торбочки с едой, нарезалось сало и ломти свежего домашнего ржаного хлеба, доставались солёные огурцы

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

и мы сообща трапезничали. Я и сейчас с ностальгией вспоминаю эти поездки и походы, эту нашу дорогу к знаниям...

Но за окном автобуса, на котором я ехала сейчас в Ермаки, стоял февраль 2012-го.

Встреча с Ермаками

По накатанной дороге автобус взлетел на Бобровский увал. Внизу, под увалом, раскинулось бескрайнее море заснеженной тайги, от вида которой захватывало дух. Промелькнули деревни Бобры, Еловка, и вот уже показалась родная Сальповка. Сердце замерло. Замелькали знакомые хаты, и взгляд мой на мгновение задержался на окнах бабушкиного дома. Никто уже меня там не ждал. Из дома давно ушла жизнь, а бросившие его на разор наследники, перебрались в город и сюда наезжали редко. Автобус уже поднимался по горе в Ермаки, а я всё видела свой дом с голубыми резными ставнями, утонувший в сугробах снега...

Я остановилась в Ермаках на пару дней в гостеприимном, уютном доме своей закадычной школьной подруги Зои Горбуновой (Фёдоровой).

Надо было многое успеть сделать за эти два дня: навестить дальних родственников и пораспросить их о своих близких, наведаться в сельскую администрацию и там навести справки по истории Ермаков. Хотелось заглянуть в местный музей, работающий в сельском клубе. По самой деревне погулять, посмотреть, как сильно она изменилась за те двадцать с лишним лет, что я не была здесь. (Я приезжала в Ермаки из Сургута два или три раза в отпуск, пока там жила моя тётя Пана, но в Каргалы не заезжала – уже была проложена новая дорога через Ново-Боровую, и Каргалы остались в стороне.) И, конечно, – дойти до своего заброшенного дома, постоять у крыльца...

Во всех этих делах меня сопровождали мои одноклассницы Зоя Горбунова и Таня Мельникова, верные подруги юности и помощницы в последующих делах.

В Ермаках было снежно, морозно и солнечно, снег поскрипывал под ногами. Мы шли в сельскую администрацию за сведениями об истории возникновения деревни и вспоминали, что в далёкие шестидесятые, когда мы учились в ермаковской школе, учителя-энтузиасты вместе с учениками вели летопись села. Они обходили дома и опрашивали старожилов, которые могли что-либо вспомнить о своём переселении в Сибирь или поделиться воспоминаниями родителей. Собирались тогда и редкие фотографии из семейных альбомов. Рассказы записывались в обыкновенные школьные тетрадки и сейчас уже не вспомнить, кто из учеников занимался этой уникальной работой. Может быть, прочитав эту статью, кто-нибудь из них откликнется. Но я хорошо помню, что организатором такой работы был учитель немецкого языка Михаил Максимович Кондратьев. Он ещё и успевал своей простенькой «Сменой» фотографировать жителей села и события того времени. До него записывать историю начинала другая учительница Ольга Матвеевна Чернякова. Чуть позже Кондратьева этой работой занималась Галина Александровна Вычужанина, наша «всехняя» учительница, научившая читать и писать не одно поко-

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

Вид с Салытовского косогора от дома Анны Новиковой на Ермаки. Август 2017 года. Фотография Е.Л. Новиковой.

Домик Анны Новиковой (бабы Ганьны) на Салыповке. Февраль 2012 года. Фотография Е.Л. Новиковой.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

ление ермаковских ребятишек. В середине восьмидесятых годов эту эстафету по сохранению истории подхватила молодая учительница, попавшая в Ермаки по распределению – Вера Николаевна Веренкова. Эти учителя были приезжими, и конечно, их не могла не заинтересовать та жизнь в селе, в которую они окунулись. Их интересовало всё – быт, утварь, одежда селян. Но особенно их привлекал необыкновенный говор.

Благодаря им, энтузиастам-учителям, и сохранилась история переселенческих деревень Ермаки, Еловка, Осиновка, записанная со слов старожилов и дополненная в разные годы.

Ещё в старой деревянной ермаковской школе, состоявшей из нескольких крестьянских домов, был устроен небольшой музейный уголок. Там среди предметов быта белорусов-переселенцев хранился обыкновенный школьный альбом для рисования в колленкоровом переплёте, в который перьевой ручкой старательно переписывались услышанные рассказы и воспоминания старожилов. Туда же вклеивались старые фотографии. Этот музейный уголок, созданный учениками для уроков истории и географии, спустя годы превратился в большой настоящий краеведческий музей благодаря энтузиазму неутомимой Веры Николаевны Веренковой.

В течение пяти лет, начиная с 1984-го, она вместе со школьниками продолжала собирать по дворам предметы крестьянского быта, утварь, одежду, рушники и иконы. Многие в музей несли и сами жители. Собралась уникальная коллекция раритетов – предметов быта, привезённых переселенцами в Сибирь больше ста лет назад из Беларуси, увидеть которые можно в музее и сейчас.

И вот 27 июня 1989 года, в День молодёжи, в здании новой ермаковской школы торжественно открылся настоящий краеведческий музей, директором которого на общественных началах Вера Николаевна проработала не один год... Мои спутницы Таня и Зоя рассказали мне, что тогда в Ермаках отмечали столетие села. Из их рассказа получалось, что годом образования села мог быть 1889-й. Конечно, мне захотелось увидеть тот школьный альбом-летопись, перелистать его страницы, и, может быть, в сельской администрации прочитать хоть какие-то документы об образовании села. Но, увы, альбом из музея исчез бесследно, официальных документов о появлении белорусских поселений в сельсовете не сохранилось (может быть, их и не было никогда). Музей же из здания школы переехал в сельский клуб. Руководит им Надежда Вычужанина.

Тогдашняя глава администрации Надежда Оленич поделилась со мной тремя страничками краткой истории деревень Ерма-

ки, Осинówki и окрестных с ними деревень Резанова и Битьево, набранными на компьютере. Это были короткие исторические справки с простым объяснением названий деревень и небольшим повествованием о том, как, когда и почему в этом сибирском краю появились белорусы.

Эти листочки тогда, в 2012-м, стали для меня руководством к действию. Я не знаю, кем и когда была на-

писана эта история, но могу предположить, что для её написания использовались рассказы старожилов из той альбомной летописи. Согласно им, основателями Ермаков были братья Крупниковы и Евдоким Григорьевич Мельников. (Рассказ моей бабушки Анны Харитоновны о первопроходце Евдокиме Мельникове, её родном дяде, подтверждал это.) Они пришли на разведку в Сибирь из деревни Рогинь Могилёвской губернии в 1884-1886 годах. Таких разведчиков называли суглядами.

Итак, мне стали известны даты и имена. От этой информации предстояло оттолкнуться в поисках. Но когда же были основаны Ермаки – в 1886-м, согласно историческим справкам, или в 1889-м, если исходить из празднования столетия в восемьдесят девятом? И ещё из головы не шли бабушкины слова: «Мне всего три годочка было, когда в Сибирь меня привезли». Бабушка умерла в марте 1974-го, не дожив до восьмидесятилетия всего два месяца. Привезли её в Ермаки трёхлетней, а это был 1897 год. То есть – третий вариант...

Что-то не вязалось, «разъезжались» все годы. Надо было с этим разбираться, надо было где-то искать документы.

В администрации мне посоветовали обратиться в Викуловский районный архив. Но там документов досоветского периода не оказалось, как и документов первых десятилетий двадцатого века, – многие материалы сгорели во время пожара. Мне порекомендовали обратиться в Государственный архив Тюменской области. Что там хранится, мне предстояло узнать в Тюмени по дороге в Петербург.

А пока я гостила в Ермаках. И мы с Таней и Зоей отправились в сторону моей родной Сальповки.

Мы шли по деревне, и я расспрашивала своих одноклассниц о нынешних жителях Ермаков. Многих стариков, которых я помнила, уже не было на свете, но были ещё живы мои двоюродные и троюродные тётки и дяди из Воробьёвых, Юрковых, Босяковых, Жариковых. Однако встретиться в этот приезд мне удалось только с дядей Колей Воробьёвым и его женой Зинаидой Дмитриевной. Они жили на Сальповке, через дорогу напротив бабушкиного дома, считались близкой родней. К ним-то в гости мы и направлялись.

Вообще-то дядя Коля был мне не дядей, а троюродным братом по Мельниковым, но поскольку был старше меня в два раза, я с детства звала его дядей. Он всю жизнь проработал трактористом в кол-

Автобусная остановка на Сальповке. Бабушки в белых фартуках - три родные сестры Мельниковы. Слева направо - Ксения Харитоновна Юркова, Анна Харитоновна Новикова и Акулина Харитоновна Босякова. Рядом с Акулиной сидят их племянники - дети старшего брата Матвея Харитоновича Мельникова - Пелагея Матвеевна Воробьева и Андрей Матвеевич Мельников. 1970 год.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Ермаковские трактористы:
Филипп Воробьев, Анатолий Щербаков и Николай Воробьев.
1950-е годы.

ны, солёные грибы, котлеты и варенье к чаю...

Дядя Коля хворал уже много лет – работа на тракторе не прошла даром. Но он приободрился, повеселел и забалагурил, как раньше, увидев перед собой троих красавиц: «Ой, дзеўкі самі да мяне на свиданье прыйшлі! Вот цяпер я іх усіх і памацаў. Вот радасць-то якая! А-ну, сядайце сюды! А нічога, што я ў пимах сяджу, а не ў туфлях?» (У него мёрзли ноги, и валенки он не снимал).

За столом разговорились, я рассказала о своих поисках. Тётя Зина посоветовала мне обратиться в районный отдел ЗАГС – там должны были сохраниться записи о рождении и смерти многих моих родных, да и вообще, попросила не стесняться, звонить ей по всем вопросам. Так появилась надежда найти хотя бы что-то. Потом несколько лет мы общались по телефону с тётей Зиной, которая всегда была рада звонку. Она обладала уникальной памятью и помогла мне восстановить не только имена моих родственников, но и степень родства с другими семьями ермаковских переселенцев. Она помнила даты, события, разные истории из жизни села в советские годы и была моей палочкой-выручалочкой.

Расставаясь, все плакали. Понимали, что можем больше не увидеться. На прощанье тётя Зина сказала мне: «Я всегда присматривала за вашим домом. Пока была жива твоя бабушка, старалась жить по её часам. Как только завижу рано утром дым из вашей трубы, так спешу поскорее и свою печь затопить. Да и нынче, пусть давно уж нет никого в твоём доме, всё смотрю и смотрю за ним, и огород ваш проведываю, хоть всё там бурьяном заросло».

И вдруг, метнувшись в подполье, она протянула мне оттуда банку варенья: «Ну-ка, вот, возьми! Это варенье из малины с вашего огородчика. Будешь свой дом вспоминать, и меня вспомнишь».

Потом уже, стоя у своего разорённого дома, утонувшего в снегу, я смотрела на дом дяди Коли с тётей Зиной и плакала, и просила Бога дать им ещё хоть немного здоровья и сил. В их высоком, красивом, и ухоженном доме теплилась жизнь...

Хранители памяти

Я уезжала из Ермаков как из дома – нагруженная гостинцами: банка малинового варенья от тёти Зины Воробьевой, банка мёда

ГОЛЪ

ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

от Тани Мельниковой, чугунок с ермаковской картошкой (бульбой) от Зои Горбуновой и много чего другого. А ещё я увозила оттуда огромное желание: во что бы то ни стало разобраться со своей родословной и с историей возникновения села – этой «маленькой Беларуси» в Сибири.

Мой путь домой, в Питер, той зимой 2012 года пролегал через Тюмень. До самолёта у меня оставалось несколько часов и я, сдав в камеру хранения багаж, отправилась разыскивать областной архив.

Я тогда совсем ничего не знала ни о работе архивов, ни о том, что, где и как там нужно искать, но действовала решительно.

Работники областного архива приняли меня хорошо (так было, впрочем, и в других архивах, где я затем помногу поработала). Найти хотелось многое. Рассказав, что хочу посмотреть все документы, какие есть, о селе Ермаки и его жителях, в том числе и о своих родных Новиковых и Мельниковых, услышала в ответ:

– А много ли у Вас времени для этого просмотра?

– Целых полдня, – ответила я.

Тогда одна из сотрудниц, улыбнувшись, взяла меня за руку и отвела в читальный зал, куда спустя немного времени принесла метрическую книгу ермаковской Никольской церкви за 1912 год. Я удивилась: почему именно за этот год и почему книга всего одна? Сотрудница ответила, что это – самая первая книга ермаковской церкви и что до своего самолёта я только её и успею посмотреть...

Так впервые мне довелось прикоснуться к истории Ермаков, к истории сельской церкви, к истории судеб переселенцев и их семей. Я листала страницы жизни моего села за 1912 год и ещё не понимала, что прикасаясь к этим листкам, прикасаюсь ко времени, в котором жили мои предки. На дворе стоял февраль 2012 года, а я читала о событиях, происходивших в Ермаках и соседних с ними деревнях, сто лет назад. Это было невероятно!

Я никогда прежде не видела метрических книг, да и не слышала о них – разве что слово «метрики» не раз упоминала моя бабушка в разговоре с кем-то из родственников в Ермаках. Теперь же передо мной лежала подлинная, похожая на «амбарную», книга, на титульном листе которой было написано: «Метрическая книга, данная из Тобольской Духовной Консистории причту посёл-

Дом Воробьёвых на Сальтовке в Ермаках. Февраль 2002 года. Фотография Е.Л. Новиковой.

Зинаида Дмитриевна Воробьёва. Февраль 2002 года. Фотография Е.Л. Новиковой.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

ко-Ермаковской церкви, Тарского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1912 год».

Вверху титульного листа размещался имперский герб, а под ним стояла резолюция: «Настоящая метрическая книга рассмотрена и оказалась ведённою правильно; копия с оной передана для хранения в церковный архив. Благочинный, священник И. Виноградов».

Я открыла книгу, стала её листать и сразу отметила, что все записи выполнены безупречным каллиграфическим почерком, благодаря чему они и читались легко, несмотря на старую орфографию.

Но что это были за тексты!

В первой части книги «О родившихся» записи начинались не с начала года, а с конца мая. Тогда я очень удивилась этому, и лишь спустя несколько лет, когда вплотную занялась архивными поисками, выяснила, почему книга 1912 года начиналась с середины года.

А пока же я читала самую первую запись:

«25 мая рождён, а 26 мая крещён сын Иоанн, посёлко-Ермаковского крестьянина Василия Емельянова Крупникова и законной его жены Ефросиньи Кирилловой, оба православные».

Далее говорилось, что восприемниками (крёстными родителями) младенцу Иоанну стали: «посёлка Ермаковского крестьянин Созонт Евдокимов Мельников и крестьянская жена Ефросинья Космина Фомина, того же посёлка». Таинство крещения совершил священник Георгий Якушин с псаломщиком Гавриилом Журбой.

И неведомо мне было тогда ещё, что этот младенец Иван Крупников был первым крещённым в только освящённой (но ещё недостроенной) ермаковской Никольской церкви!

А запись за октябрь 1912 года сообщала: «У учителя посёлко-Ермаковской церковно-приходской школы крестьянина Пермской губернии Оханского уезда Богомяловской волости деревни Монастырка Дмитрия Исидоровича Ожгибесова и законной его жены Анны Филипповой, оба православные, четвёртого октября рождён, а восьмого – крещён сын Петр». Восприемниками его стали «псаломщик посёлко-Ермаковской Никольской церкви, казак Полтавской губернии Зеньковского уезда села Лютенских-Будищ Гавриил Терентьев Журба и крестьянская жена Анна Мартинова Зубарева, посёлка Ермаковского»...

Позже, через несколько лет, я найду в Тобольском архиве уникальные сведения и о священнике Георгии Якушине, и о его псаломщике Гаврииле Журбе. А о первом учителе Ермаковской церковно-приходской школы Дмитрие Исидоровиче Ожгибесове мне расскажут его ермаковские потомки.

В части книги «О бракосочетании» я порадовалась записи от 7 октября о венчании первой пары в Никольской церкви. Это были «крестьянин посёлка Ермаковского Антоний Иосифов Воробьёв, двадцати одного года, православного вероисповедания, и крестьянина посёлка Ермаковского Максима Илларионова Босякова дочь, девица Иулиания (Ульяна), девятнадцати годов, православного вероисповедания». Поручителями (свидетелями) по жениху и невесте значились Антоний Семеонов и Тимофей Емельянов Черняковы, крестьяне того же посёлка Ермаковского.

Итоговая ведомость метрической книги сообщала, что в 1912 году в деревнях прихода ермаковской церкви было рождено и

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1912				ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, В РОДИВШИХСЯ.					
Счёт родившихся		Месяц и день		Имя родившихся	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и место их рождения/жительства	Звание, имя, отчество и фамилия восприимчивых	Возраст в лет и месяцев	Родившиеся в каком-либо месте по месту	
Мальчи-ков	Девочек	Месяц	День						
1		Май	25 26	Томаш	Томаша Ермаковича крестьянина Павтий Васильевича Фрунзинского и Анастасии по невесте Софьиной Кирилловны; оба православные; Священник Сергей Фрунзин	Томаша Ермаковича крестьянина Сергея Сидоровича Фрунзинского и Анастасии по невесте Софьиной Кирилловны; оба православные; Священник			
2			27 28	Николай	Николая Елизарова Фрунзинского крестьянина Василия Григорьевича Фрунзинского и Анастасии по невесте Мариина Мейкина; оба православные; Священник Георгий Фрунзин	Николай Ермаковича крестьянина Павтий Васильевича Фрунзинского и Анастасии по невесте Софьиной Кирилловны; оба православные; Священник			
3			27 29	Томаш	Томаша Ермаковича крестьянина Павтий Васильевича Фрунзинского и Анастасии по невесте Софьиной Кирилловны; оба православные; Священник Георгий Фрунзин	Томаша Ермаковича крестьянина Павтий Васильевича Фрунзинского и Анастасии по невесте Софьиной Кирилловны; оба православные; Священник			

крещено 54 мальчика и 32 девочки, а пар, повенчавшихся там, было всего четыре.

Причиной же значительной смертности среди малолетних указывались болезни. Многочисленные записи в части книги «О умерших» свидетельствовали: в деревнях (особенно Осиновке и Еловке) свирепствовали корь и оспа. У взрослых причиной смерти называлась старость.

Много любопытного и неизвестного мне открыла эта книга. Но главное, чему я больше всего поразились, так это полноте записей – как о событиях, так и о людях, в них участвующих. Порой одна запись могла рассказать целую историю семьи или сообщить совершенно неожиданные и уникальные сведения не только о моих родных и близких, но и о многих людях, живших рядом с ними.

Буквально каждая запись несла в себе такую мощную информационную нагрузку, что книга читалась как хороший детектив: передо мной открывался целый мир и неизвестная мне жизнь родного села и его жителей. Я и сейчас, читая и перечитывая другие метрические книги, которых у меня благодаря интернету скопировано много, заново окунаюсь в те времена, во взаимоотношения ермаковцев, в их печали и радости, черпаю и черпаю оттуда всё новые факты, события и имена.

Я так подробно пишу о своих поисках и работе с архивами, надеясь, что это станет подспорьем для тех, кто решит тоже заняться поисками своих корней. Эта непростая, но интересная работа важна и для наших детей, внуков, если мы не хотим, чтобы они выросли «иванами, не помнящими родства»...

Тогда, зимой 2012 года, я вышла из архива на вечернюю заснеженную улицу Тюмени в полном потрясении. Мне показалось, что за часы, проведённые наедине с метрической книгой, я пережила вместе с ермаковцами целый год их жизни – далёкий 1912-й.

Ночью я летела домой, в Петербург, и в полудрёме размышляла о прочитанных записях. Кроме того, меня поразила безупречный почерк этих записей. Интересно, кому он принадлежал?

Первая страница метрической книги Ермаковской Никольской церкви за 1912 год. Государственный архив Тюменской области.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**
№ 1 - 2018

Учитель Ермаковской школы Дмитрий Исидорович Ожгибесов с супругой Анной и детьми. 1910-е гг.

Псаломщику Журбе? Как этот псаломщик с Украины, из полтавских казаков, оказался в ермаковской церкви? Или священнику Георгию Якушину? Откуда он родом, кто прислал его служить в Ермаки?

Такие вопросы я задавала себе, читая каждую новую запись. Но кроме вопросов книги дарили неожиданные радости и открытия.

Помню, как радовалась записи о том, что в Ермаках был учитель Ожгибесов: значит, школа там уже была! «Какой же он молодец, этот учитель, – думала я, – что не побоялся в такую сибирскую глушь поехать, чтобы детишек деревенских грамоте учить! Совсем молодой, видно, был, раз сынок вот только у него родился»...

В пору своего детства в Ермаках я была знакома с жившей там семьёй Ожгибесовых. Тогда, в начале семидесятых, сельский совет возглавлял Алексей Георгиевич Ожгибесов, но только теперь я поняла, что он и его дети – это потомки первого ермаковского учителя. А весной 2017-го я познакомлюсь с его правнучкой Мариной Плюхиной, и она расскажет мне о его семье много интересного...

Итак, если, как сказали мне в архиве, это была самая первая книга церкви в Ермаках и записи в ней начаты только в мае 1912 года, то значило ли это, что церкви до того времени там не было?..

«Погоди, погоди, – говорила я сама себе, – ведь если считать, что мои прадеды-белорусы пришли в Сибирь в 1897 году, то прошло целых пятнадцать лет до того момента, как в Ермаках открылась церковь. Куда же столько лет ходили мои земляки-переселенцы детей крестить, венчаться и стариков своих отпевать?..».

Продолжение поисков

Вернувшись домой, я позвонила в Тюменский архив. Мне нужна была помощь профессионалов: как действовать дальше? Мне ответили, что надо подождать: архив начинает перевод бумажных документов в электронный вид, поэтому многие фонды, в том числе и метрических книг, будут недоступны для работы некоторое время. Зато после этого ехать в архив не придётся, а можно будет дома, сидя за компьютером, работать удалённо со всеми интересующими меня документами.

Возможность такой работы у меня появилась только летом 2016 года, когда и метрические книги были оцифрованы, и нашлось свободное время: я вышла на пенсию. Как я уже говорила, тот год стал для меня отправным в начале серьёзных поисков.

На мой запрос в Тюменский облархив о том, в документах каких церквей, кроме ермаковской, нужно ещё искать сведения о предках – белорусских переселенцах, пришёл ответ: в метрических книгах каргалинской Христорождественской церкви.

Я училась в Каргалах, но не то что не видела, а даже не слышала ни о какой там церкви. И вот, поди ж ты, спустя много лет снова туда возвращалась, пусть и виртуально.

«Ну что ж, – подумала я, – не мне одной, значит, приходилось ходить пешком из Ермаков в Каргалы за тридцать километров, а и прадедам моим, да не один, и не два года, как мне. А сколько же?».

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

За ответом на этот вопрос я отправилась в фонды архива. Памятуя, что годы предполагаемого переселения моих предков из Беларуси в Сибирь сильно расходились, я сделала заказ, что называется, с запасом: с 1884 года.

Приход этой церкви был большой, деревень много, но записей о прихожанах из Ермаков, Еловки, Осиновки, как и упоминаний об этих деревнях я не встретила ни в 1886-м, ни в 1889-м. Их не было и дальше – до самой осени 1897 года.

Я долго и методично читала все записи книг за тринадцать лет, боясь пропустить нужные мне, пока не обнаружилась та, первая и самая бесценная! Эта запись в части книги «О родившихся» от 5 ноября 1897 года была посвящена крещению младенца Марии, что родилась 1 ноября в семье «деревни Ермаковой поселенца Емелиана Феодорова Филимонова и законной жены его Екатерины Харлампиевой, оба православные».

Я читала и перечитывала эту драгоценную запись, и радости моей не было предела: ведь Мария была самым первым ребёнком в семье белорусов, рождённым на земле сибирской!

А дальше записи посыпались как из рога изобилия: в том же ноябре 1897-го, 9 числа, родился сын Фёдор в семье «переселенца деревни Ермаковой Цитрова (Цитрикова) Иоанна Васильева», а 17 ноября родилась дочь Екатерина у «переселенца деревни Ермаковой Никиты Матвеева Леоненко». Декабрь тоже принёс добрую весть: 20 числа в семье «солдата деревни Ермаковой Георгия Петрова Жарикова родилась дочь Анастасия», восприемником стал «солдат деревни Ермаковой Григорий Илларионов Босяков»...

Я думала об этих детях, восхищалась мужеством женщин, их родивших зимой в сибирской тайге, и даже не представляла себе, какие испытания выпали на долю переселенцев, что пришлось пережить им в первые годы жизни на новой земле. И если разделы «О рождении» радовали тем, что во многих семьях переселенцев рождались дети, то разделы «О умерших» ранили душу: дети умирали очень часто, особенно младенцы. Записи итоговой таблицы за 1897 год просто удручающие: из 505 родившихся ребятшек в деревнях Каргалинского прихода умерло 226. То есть – каждый второй!

Причины такой высокой смертности среди детей из года в год – одни и те же: эпидемии оспы и кори, которые, судя по записям, никогда не заканчивались в этом краю. Взрослые часто умирали от чахотки. Не было лекарств, не было врачей, а в переселенческие посёлки ещё и дорог не было. Так что помощи новосёлам ждать было неоткуда.

Первые годы на новой земле белорусам-переселенцам жилось ой как несладко. Но потом жизнь стала помаленьку налаживаться – благодаря их трудолюбию, усердию, терпению и веры в свои силы. Они были тружениками – корчевали лес, распахивали це-

Иван Васильевич Новиков (с балалайкой) был рождён на дороге в Сибирь в 1897-м году. Родители его - 20-летние Василий и Феодосия Новиковы. Фотография 1915 года.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Семён Антонович и Анна Харитоновна Новиковы с дочерьми Верой, Зинаидой, Анной, Анастасией, Татьяной. Ермаки, 1937 год.

зямлянкi вялікія рылі, не на адну сям'ю, і спалі ўсе на полу, покатам: і маткі, і бацькі, і дзеці. Дярюгой мама ўсіх накрые ды шабураў зверху, вот і цёпла было. Так і жылі-выжывалі.

И, помолчав, добавила:

– Нічога, нічога не было, толькі лес и лес. Ні поля, ні градачкі. Якая там дярвеня?..

Я в детстве расспрашивала бабушку о том, много ли братьев и сестёр было в её семье. И она рассказывала, что их, детей Харитона Мельникова, пришедших с родителями в Сибирь, было шестеро: Матвей, Зиновия, Ефросинья, Филипп, Акулина и она – Ганна. Потом в Ермаках у неё родились ещё брат Михаил и сестра Ксения. Но из метрических записей я позже узнаю и другие имена детей Мельниковых, рождённых в Сибири, и сколько их всего было.

Про семью же Новиковых, куда она вышла замуж, бабушка говорила, что её Сёмка был самым малым, когда его привезли в Сибирь, что росли они вместе и знали друг друга с детства. Ещё помню, что бабушка упоминала о Петре – старшем брате своего мужа Семёна. Называла она и других детей семьи Новиковых и другую родню, да я не запомнила. И когда в той же книге за 1912 год мне встретилась запись о рождении дочери Зинаиды в семье Василия Исааковича Новикова, я подумала, что это, тоже, возможно, моя родственница. Но что она, та самая Зеня Ольчиха, о которой я писала выше, окажется мне близкой родственницей, я поняла лишь недавно, сопоставив все найденные архивные записи. И выяснилось, что она – моя двоюродная бабушка: её отец Василий Исаакович был родным дядей моего деда Семёна Антоновича Новикова.

Я нашла многих ныне живущих потомков семейства Новиковых (как, впрочем, и Мельниковых, и многих потомков других переселенцев). Я делюсь с ними собранной информацией о наших предках-белорусах, а они в ответ делятся не только воспоминаниями о своих родных, но и присылают уникальные фотографии из далёкого прошлого своих близких. И собирается у меня не только архивная история переселенцев, но и фотолетопись.

Вот недавно получила из Тюмени фотографию 1933 года, на которой узнала свою Зеню Ольчиху. Рядом с ней, совсем молодой

линные поля, обустроивали быт в деревнях.

Помню, что отвечала бабушка на мои расспросы о том, какой была деревня Ермаки, когда в неё пришла её семья:

– Дзетачка мая, ды ніякай дярвені не было. У лес мы прыйшлі. Хаты секлі во, прама тут. Мужыкі лес валілі, дзеці сукі абсякалі. А тыя, што старэй нас былі, з маткамі рылі зямлянкi – хат жа не было. А

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

ещё женщиной, сидят её родители, белорусы-переселенцы – Василий и Феодосия Новиковы. И я знаю теперь благодаря архивным записям, что пришли они в Сибирь молодёжными, и было им тогда, в 1897 году, по двадцать лет...

В метрических книгах разных лет я нашла записи обо всех братьях и сёстрах моих деда и бабушки, открыла имена не известных прежде прадедов и прапрадедов, пришедших из Беларуси в Сибирь.

Вот лишь один пример. В книге за 1904 год, в записи о смерти мне откроется имя прапрадеда Исаака Ивановича Новикова, умершего в Ермаках в возрасте 75 лет, то есть родился он в 1829 году (ещё при крепостном праве!) и пришёл в Сибирь совсем немолодым – в 68 лет. А позже, в книге за 1916 год, я в такой же записи о смерти открою для себя имя прапрабабушки – Ульяны Яковлевны Новиковой, вдовы Исаака Ивановича. Ей было, согласно записи, 80 лет, – выходит, она пришла в Сибирь, когда ей было за шестьдесят.

Помню, как долго я сидела, уставившись на экран компьютера, и пыталась представить её, свою прапрабабку, что решила на такой дальний переход в неизвестную ей Сибирь, навсегда, со своими детьми и внуками. Я спрашивала себя: а смогла бы ты сама вот так, как она, от всего отрешившись, пойти в неизвестность? И не находила ответа. Мне тогда было столько же лет, сколько и ей, моей неизвестной прапрабабке...

Читая метрические книги дальше и дальше, нанизывая на ниточку, как бусинки, имена своих близких, я понимала, как много было у меня родных в Ермаках. Из этих имён складывался необыкновенный узор родословной, в который тесно вплетались фамилии других переселенцев, породнившихся с моими близкими. Получалось, что многие переселенцы становились родней друг другу, да не по разу!

Так – шаг за шагом, день за днём, месяц за месяцем передо мной постепенно вырисовывалась контуры моей семьи – маленькой части общей истории переселения белорусских крестьян в далёкую и неизвестную Сибирь.

Метрические книги открывали мне и названия новых поселений белорусов, которые появлялись на территории Каргалинской волости Тарского уезда Тобольской губернии в конце XIX века и первоначально записывались в книгах как выселки или посёлки – Еловский, Осиновский, Жигульский, Спириновский, Пестовский, Вараксинский. Теперь мне хотелось найти сведения и об их образовании. Я отправилась на поиски в Тобольский архив.

В это же время мне на помощь пришли Лариса Прокофьева и Наталья Гагарина. Подключился к нашей работе и Николай Воробьёв – внук Зинаиды Дмитриевны Воробьёвой. Он стал моей правой рукой и в составлении родословной: нас объединил общий прадед Харитон Мельников.

Василий Исаакович и Феодосия Пименовна Новиковы с дочерью Зинаидой и внуками. Ермаки, 1933 год.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Вера и совесть

Всю вторую половину 2016 года и начало 2017-го я продолжала работу в архивах.

Удивительные чувства возникали в душе, когда в десятках метрических книг среди сотен фамилий вдруг открывались родные мне имена. Тянешь ниточку, и они становятся осязаемыми. Машина времени – не иначе.

И сквозь эту «пелену времён» все отчётливее вырисовывалась одна особенность жизни моих предков, до той поры неведомая мне. Речь идёт о роли, которую играла в их жизни вера.

В моём деревенском детстве я очень мало слышала о ермаковской церкви, разве что бабушка в своих рассказах изредка упоминала о ней. До сих пор помнятся мне события, связанные с этими её рассказами.

Баба Ганна, как и многие старухи в Ермаках, была верующей. В доме нашем, в «красном углу» в горнице, висела небольшая икона, у которой она часто молилась. Икона была старой, хранилась под стеклом в простом деревянном киоте, выкрашенном голубой краской. Бабушка икону берегла, «прибирала» её к церковным праздникам всегда сама, обрамляя киот льняными рушниками-набожниками, сотканными и вышитыми ею давно, ещё в пору молодости.

Это был действительно «красный» угол. Он притягивал меня постоянно не только своим нарядным убранством, но и светом, который, как мне казалось, исходил от лика Пресвятой Богородицы с иконы. Обрамлял этот лик венец из цветков, вырезанных из фольги, и Она, Богородица, представлялась мне, девочке, невестой.

Жалею теперь, что не спросила тогда, в детстве своём, у бабушки, откуда у неё эта икона. Могу теперь лишь догадываться, что ею благословляли бабушку на замужество, и что это была для всех нас, живших в доме, семейная реликвия.

Баба Ганна никогда не навязывала нам, своим внукам и внучкам (которых у неё было тринадцать) своей веры. Мы были из другого времени, и она это понимала. Сама же она, пережившая и повидавшая многое на своём веку, хоть и была смиренной и терпеливой, несла свою веру мужественно и достойно. Одним таким уроком достоинства стала история, случившаяся в нашем доме в 1970 году.

В апреле того года вся страна отмечала столетие Ленина. Не обошёл этот праздник и наш дом. В то время с нами жила семья моей старшей тётушки Прасковьи – её дочь Галя и внуки. Галя тогда работала в ермаковской школе учителем, пела в хоре сельского клуба и была активной общественницей. Накануне юбилея вождя её приняли в партию и вручили медаль «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Этому ли событию благодаря, или так совпало, но вместе с праздником и медалью в наш дом приехал новенький телевизор «Берёзка». Галя долго стояла в очереди, и вот, наконец, его получила.

Телевизор в те годы в деревенских домах (и не только) был большой редкостью, о нем мечтали многие.

Привезя телевизор домой, Галя стала думать: где поставить его в горнице? «Конечно, – рассуждала она, – место ему только в «красном углу», под иконой, а где же ещё?». И она стала дви-

ГОЛЪ
ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

гать мебель по комнате, освобождая угол. Бабушка стояла в дверном проёме, молча наблюдая за своей старшей внучкой.

Лихо отодвинув сервант из-под иконы в сторону, Галя закричала мне:

– Алёнка, тащи стул, икону снимать будем!

Я замерла на месте, лихорадочно соображая, что же мне делать, когда вдруг услышала спокойный голос бабушки:

– Икону, внучка, не тронь. Не тобой она туда повешена, не тебе её снимать.

Молча повернулась и пошла в кухню.

Но Галю было не остановить. Икона – пережиток прошлого, а телевизор – чудо современности, рядом они просто несовместимы.

Я робко пыталась остановить сестру, предлагая другое место для телевизора – то один простенок горницы, то другой. Но мои старания и уговоры были напрасны. Галя сняла рушники, икону и вынесла их в «казёнку» – кладовку, где хранилась старая утварь и разные припасы.

Увидев это, бабушка занемогла, и в тот же день слегла.

В кухне у входной двери стояла старая деревянная кровать, срубленная дедом ещё до войны, на которой она пролежала почти месяц, не вставая. Никакие лекарства, никакие утешения не помогали, она просто таяла на глазах. И однажды Галя сдалась. Молча и без суеты вернула икону на прежнее место в «красный угол», а потом, встав перед бабушкой на колени, просила у неё прощения и плакала навзрыд. Я сидела на лавке у печки напротив них, тоже плакала и просила бабушку простить нас с сестрой. Баба Ганна долго смотрела на нас своими печальными глазами, молчала, как будто ждала, когда мы успокоимся, и вдруг тихонько сказала:

– Внучечки мои, любенькие, я вас простила, а вот Богородице негоже стоять не прибранной. Идите-ка, достаньте из сундука её одежду – рушники-набожники да несите их сюда. Вместе выберем тот, что краше: у неё сегодня праздник случился – она домой вернулась. Может, и простит Она всех нас, окаянных.

Ночью я проснулась от шороха в горнице и бабушкиной молитвы: она стояла на коленях перед иконой и истово просила Богородицу простить нас, нерадивых, и дать нам ума-разума.

Уж сколько лет прошло с тех пор, а я все вижу её маленькую сухонькую фигурку в той памятной ночи, стоящую под образами, и теперь уже сама прошу её, святую свою бабу Ганну, простить меня за все прегрешения, вольные и невольные...

Вспоминая свою бабушку, расскажу ещё одну историю, связанную уже непосредственно с ермаковской церковью.

В пору своего деревенского детства я была одета и обута как многие местные ребятки: весной и осенью носила ватную телогрейку (бабушка называла её «кухвайкой») да резиновые сапоги, а зимой – шубейку и валенки.

Валенки я не любила: они были грубыми и неудобными, да к тому же такими, как у всех – чёрными. Они были фабричными, быстро протирались на пятках, и я латала их за зиму по нескольку раз. А на полатах хранились бабушкины валенки, которые не

Икона Богородицы в красном углу, обрамлённая полотенцами-набожниками. Музей Ново-локтинской школы. Фотография Р.Ю. Фёдорова.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Ермаковский клуб, построенный на месте церкви.

Фотография начала 1970-х гг.

давали мне покоя. Она носила их только по праздникам или когда ходила в гости. Мне казалось, что они пролеживают зря. Валенки эти были необыкновенно мягкими, удобными и очень подходили мне по размеру (я не раз, забравшись на полати, тайком примеряла их), но главное – они были белыми! Их когда-то привёз бабушке в подарок её родственник – пимокат из деревни Спириха. Она их берегла, в отличие от меня, на которой всё «горело и дымилось».

Я подбиралась к валенкам как та лиса из басни к винограду и никак не могла придумать повод, как бы выпросить их у бабушки, чтобы надеть хоть разок! И вот повод, наконец, представился.

Я училась в восьмом классе и считалась старшеклассницей – Ермаковская школа была тогда восьмилетней. Близился Новый год и – о, счастье! – нам, старшеклассникам, разрешили устроить настоящий новогодний бал, да не где-нибудь, а в сельском клубе. Я частенько бегала в этот странный и нелепый деревенский клуб, похожий на длинный сарай – то в кино, то в библиотеку за книжками, и всё удивлялась, почему он такой неказистый? Там, в клубе, проходили колхозные собрания и школьные линейки, концерты художественной самодеятельности и заезжих артистов, ну, и танцы для взрослых по выходным. Но тут предстоял бал. Первый бал в жизни!

Я мчалась с этой новостью из школы домой, представляя, как буду вальсировать в белых бабушкиных валенках по залу вокруг ёлки вместе с Зоей Горбуновой, и как мне будут завидовать девчонки.

Прямо с порога, чуть отдышавшись, я выпалила:

– Бабушка, милая! У меня будет новогодний бал и мне нужны твои белые валенки!

Бабушка стояла у стола – заводила квашню на хлеб. Обернувшись, она спросила:

– Снегуркой, что ли, будешь на ёлке?

– Да нет же, нет! Никакой не снегуркой! Я буду в них там, на ёлке, тан-це-вать!

– Не дам, – немного помолчав, спокойно ответила бабушка, – Бач, чаго ўдумала! Я гэтыя валёнкi для ночных (всенощных) берагу, а яна – на танцы! Да куды – у клуб! На тым месцы, дзе той клуб, раней царква стаяла, там Богу маліліся, а цяпер танцы развялі, грэшнікі. Валёнкі скакаць не дам. А хочаш там танцаваць – ідзі у сваіх, у чорных с заплатамі.

И она опять занялась тестом.

Я не ожидала такого поворота событий. Рассердившись на бабушку, опрометью кинулась вон из хаты, громко хлопнув дверью, и уже в сенях услышала вослед:

– Бяжы, бяжы ў прочкі, астынь трохі! Мож, і танцаваць перахочешь...

Не знала я тогда, что прежде, в пору её молодости, на месте этого клуба стояла церковь, построенная её отцом Харитоном Мель-

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ

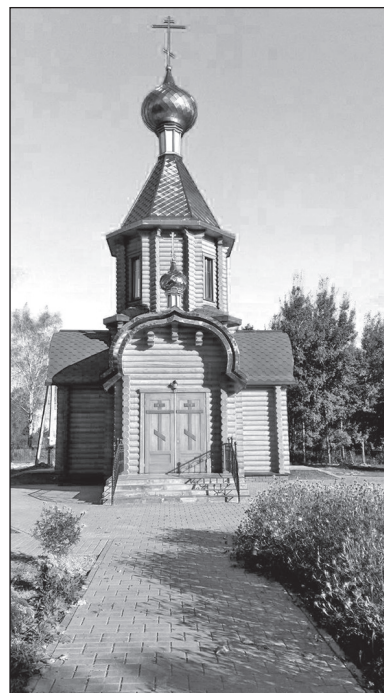
№ 1 - 2018

никовым вместе с другими переселенцами и разрушенная до основания в середине пятидесятых годов, а ещё раньше, в середине тридцатых – поруганная и обезглавленная комсомольцами-добровольцами...

Тогда, в начале семидесятых, в деревне о церкви мало кто говорил. Это было время, когда у каждого была своя вера: у стариков – в Бога, у молодёжи – в коммунизм. И колхоз наш тогда, кстати, носил гордое название «Путь к коммунизму».

Но коммунизм так и не построили, а к вере дорогу забыли надолго...

Я хочу рассказать сейчас о той ермаковской церкви и её непростой судьбе. Сведения о ней я по крупицам собирала в архивах Ишима, Тобольска и Тюмени. А ещё расскажу о Рогинской церкви, что в Беларуси, прихожанами которой были мои прадеды до переселения в Сибирь. Для меня теперь это одна история. И обе эти церкви объединяет одно имя – имя Николая Святителя.

Две церкви

Работая в архивах, ища информацию в интернете о ермаковской церкви, беседуя о ней со старожилами, я часто думала о том, что происходило в те времена в Беларуси.

Среди белорусских переселенцев, основавших в Сибири деревню Ермаки, было много семей из села Рогинь Могилёвской губернии. Одна из таких семей – семья моей бабушки. От неё я и узнала о той далёкой белорусской деревне.

Я уже писала, что в детстве, слушая бабушкины рассказы и видя, как тоскует она по своей «малой родине», я обещала, что когда вырасту, обязательно найду ту её деревню и привезу ей оттуда горстку земли. Пройдёт много лет, я начну свои поиски, отыщу белорусскую Рогинь, съезжу туда и выполню своё обещание. Но об этой поездке и о людях, с которыми я там познакомилась, расскажу особо. А сейчас – о Рогинской церкви, названной Николаевской.

Достоверной информации о том, когда она была построена, я не нашла. Из архивных документов известно лишь, что на чертеже к планам генерального межевания Рогачёвского уезда Могилёвской губернии за 1790 год Рогинь была обозначена как село, а это значит, что уже в те годы там действовала церковь. (Поселения, в которых не было церкви, назывались деревнями.) Из этих же документов я узнала, что приход её церкви в 1857 году составлял 2474 человек, живших в пятнадцати поселениях: село Рогинь и деревни Каромка, Заболотье, Викторинская Рудня, Струки, Шарибовка, Бронница, Руденка, Липиничи, Антоновка, Курганье, Дербичи, Селище, околица Осиновка и Рогинский хутор. Самым большим поселением являлась Рогинь – 434 прихожанина, среди которых были и все мои прадеды.

Рогинская церковь изначально строилась как типичная деревенская однопрестольная церковь – деревянная, на кирпичном фундаменте, однокупольная, со звонницей. Носила имя святителя

*Строящаяся
новая Никольская
церковь в
Рогини. 2017 год.
Фотография
Е.Л. Новиковой.*

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Надгробный камень священника Рогинской церкви Михаила Андреевича Леплинского. 2017 год. Фотография Е.Л. Новиковой.

Николая Чудотворца (Мирликийского). Не раз перестраивалась, и последняя, постройки 1860 года была, говорят, похожа на воздушный дворец. Кто-то из старожилов сравнивал её даже с Андреевской церковью в Киеве. Но ни фотографий, ни чертежей и плана её нигде пока не нашлось. Эта церковь просуществовала до 1929 года, когда её уничтожил пожар. Но за год до того церковь, как рассказывали мне старожилы-рогинцы, была разграблена и обезглавлена – новая власть не нуждалась в религии.

Архивы сохранили имена некоторых из рогинских настоятелей. Но мне дорого имя того священника, с кем, возможно, связана жизнь моих предков и их земляков, которые в 1897 году уходили в Сибирь. Звали его Михаил Андреевич Леплинский. Его имя и годы жизни (1829-1909) выбиты на надгробном камне, который чудом сохранился. Камень этот пролежал не один десяток лет в болотине за территорией церкви и был обнаружен несколько лет назад.

Нашёл и восстановил надгробный камень человек, который решил построить в Рогини, на месте старой Николаевской церкви новую, и осуществил свою мечту. Зовут его Виктор Узлов. О встрече с этим удивительным человеком, о строительстве церкви, об её открытии и освящении в октябре 2018 года также расскажу чуть позже.

Сейчас, уже многое зная об истории переселения в Сибирь, я могу предполагать, что именно о Михаил Леплинский не только крестил детей моих прадедов и венчал их самих, но и благословлял своих прихожан-переселенцев на дальний поход. Предположу, что уходили рогинцы в Сибирь весной 1897 года – сразу после Пасхи, которая праздновалась в тот год 26 апреля.

Во многих научных статьях (в том числе в тех, которые прислал мне Роман Фёдоров из Тюмени) я прочитала о том, как готовились крестьяне из разных губерний к переселению за Урал. Не могу не поделиться отрывком из работы исследователя А.А. Чарушина «Крестьянские переселения в бытовом их освящении» (Санкт-Петербург, 1911):

«В последний праздник перед отправкой все идут в церковь, служат напутственный молебен и панихиды на могилах родных. Прощаясь с погостом, бабы “голосят”, отдавая последний привет близким умершим. Проводы переселенцев – самый тяжёлый акт в деле переселения. Кроме родственников, на проводы съезжается большое число окольных крестьян и собирается всё село от мала до велика, особенно если выселяется значительная часть домохозяев. “Живых хороним”, – говорят крестьяне в этом случае.

С утра у “выезжанцев” все готово. Остаётся только получить последнее напутствие от священника. Если в селе есть церковь, то обыкновенно служитя обедня, но редко все присутствующие помещаются в церкви, и большинство располагается на площади. Во время литургии переселенцы молятся на коленях, многие горько плачут. По окончании литургии, лишь только послышатся удары колокола, толпа начинает волноваться, и из церкви на площадь выносят хоругви и иконы для совершения напутственного

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

молебна под открытым небом. С первых же слов священника все замирают и опускаются на колени. С крестом в руках и нередко со слезами на глазах говорит священник своё последнее прощальное слово отъезжающим. Слово это, сказанное из глубины взволнованного сердца, так сильно трогает слушателей, что плачут они навзрыд. Подходя к кресту, отъезжающие трижды целуются со священником и получают благословение на новую жизнь. Просят у священника дать им в дорогу “список” с чудотворной иконы Николая Угодника или Казанской Божией Матери, мотивируя эту просьбу: “Она, Царица Небесная, будет хранить нас и там, как и здесь сохраняла”...».

Напутственный молебен.

Фотография
конца XIX -
начала XX вв.

Государственный
архив Челябинской
области.

Осенью прошлого 2017 года, будучи в Рогини, я стояла возле надгробного камня священника Леплинского, смотрела на площадь перед строящейся новой Николаевской церковью, отчётливо представляя себе этот напутственный молебен далёкой весны 1897 года, и тоже не могла сдержать слёз. Сто двадцать лет минуло с той поры, как потянулся из Рогини обоз переселенцев в неизвестную и далёкую Сибирь, а вот, поди ж ты, площадь эта всё хранит и хранит память о том событии...

Путь переселенцев в Сибирь был долог, и только к концу лета они добрались до места, выбранного годом раньше ходоками из Рогини Евдокимом Мельниковым и Прокопием Крупниковым и зачисленного за ними в январе 1897 года. Участок этот на карте того времени носил название «посёлок Ермаковский», но никакого посёлка не было: перед белорусскими переселенцами глухой стеной стоял лес.

Они трудно приживались на новом месте, однако деревня быстро строилась. Работящими были эти белорусы, с надеждой на лучшую жизнь пришли в Сибирь и свято верили в неё. С верой пришли и с верой жили. И мечтали, мечтали о своей деревенской церкви, которой так не хватало им на этой новой, хоть и суровой, но щедрой земле. Всего было вволю: и лесов, и земли, и воды. Вот только колена преклонить было негде...

Переселенцев той поры конца XIX – начала XX веков ехало в Сибирь и на Дальний Восток великое множество – около трёх с половиной миллионов человек переселилось к 1914 году. Переселенческие посёлки росли как грибы, и если быт поселенцев худо-бедно налаживался, то с духовной жизнью была просто беда. Зачастую участки выделялись далеко от старожильческих сёл, имевших церкви. И много туда не находишься, особенно зимой и в страду.

Вот ещё один отрывок – из второго выпуска справочного издания Переселенческого управления «Сибирское переселение в 1899 году»:

«...В Сибири переселенца ожидает лишение, которого он не знал на родине, именно – недостаток Храмов Божьих. Население Сибири столь редко, селения столь удалены одно от другого, что

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

часто проходят недели и месяцы, прежде чем переселенец, устроившись в глуши, сможет выбрать время, чтобы съездить в отдалённую церковь. Мало церквей, мало и школ; а в Священном Писании сказано: “не хлебом одним будет жить человек, но и всяким словом, исходящим из уст Божиих”. Собираясь в Сибирь, надо помнить и об этом ожидающем там лишении, а, собравшись, следует идти с твёрдым намерением при первой же возможности сделать всё, чтобы создать храм, жертвуя если не деньгами, то хотя бы своим трудом...».

Из других источников известно, что не все переселенцы выдерживали эту долгую разлуку с церковью. Многие возвращались назад – их не удерживала ни земля, ни свобода: страшились умереть без покаяния и детей подолгу растить некрещёными.

Помню, как в телефонном разговоре я поделилась одной прочитанной историей о возвращении переселенцев на родину с Валентиной Карповной Черняковой, внучкой старшей сестры моей бабы Ганны. Наши бабушки были дочерьми Харитона Григорьевича Мельникова, переселенца из Рогини. В ответ она сказала:

– А чему тут удивляться? Мне моя баба Зеня сказывала, что и отец её Харитон тоже хотел вернуться назад. Пришёл как-то с мельницы, на которой работал, присел на завалинку и с тоской сказал: «Зеня, дачушка мая, а можа, вернемся назад, в Рогинь?». Она спросила его: «Почему, тату?». А он ей ответил: «Царквы тут няма, дачушка, і яблыкі не растуць...».

Шёл за годом год, а в жизни ермаковских переселенцев ничего не менялось. Нет, деревня, конечно же, разрасталась. Распахивались поля, игрались свадьбы и рождались дети, но по-прежнему ходили переселенцы за тридцать вёрст в Каргалинскую церковь – и венчать, и крестить, и отпевать.

Но вот в 1904 году забрезжила, кажется, слабая надежда: царское правительство озаботилось духовной жизнью переселенцев. Процитирую документ из «Дела о предоставлении благочинными Тобольской епархии сведений о церквях и молитвенных домах в переселенческих посёлках» 1904 года: «В заседании Комитета Сибирской железной дороги 17 декабря 1903 года был возбуждён вопрос о необходимости предоставить переселенческому населению Сибири бóльшую, чем ныне, возможность удовлетворить свои духовные нужды путём устройства в наиболее отдалённых от церквей переселенческих пунктах передвижных церквей» на что «Государь Император 19 февраля 1904 года Высочайше соизволил». Однако далее в этом документе шла речь о сокращении кредитов на ведение переселенческого дела и о желательности в ближайшем будущем лишь «ограничиться собиранием подробных сведений».

Указ Тобольской духовной консистории № 1617 от 31 мая 1904 года предписывал духовенству к 1 июля представить отчёты, содержащие сведения о кредитах «на ведение переселенческих дел», о «духовных нуждах переселенцев» и о том, «каким путём – устройством передвижных церквей, молитвенных домов, часовен или иными способами» они могут быть удовлетворены. Из уездных благочиний полетели в консисторию рапорты. Среди них я нашла рапорт из Тарского уезда о нуждах ермаковских переселенцев. Очень интересен текст этого документа (орфография сохранена):

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

«В Тобольскую Духовную Консисторию, и.д. Благочинного Тарских Уездных церквей, священника Константина Елеонского

Рапорт

Воисполнение Указа Тобольской Духовной Консистории от 31 мая с.г. за № 1617-м честь имею донести, что переселенцы, проживающие в приходах Тарских уездных церквей, за небольшим расстоянием от приходских храмов нужды в постройках передвижных церквей, молитвенных домов, часовен не имеют, кроме жителей посёлков: Ермаковского, Еловки, Жигули и Спириной Каргалинского прихода, каковые со старожилами деревень Тамакульской и Скрипкиной нуждаются в самостоятельном, отдельном от Каргалинского, храме, но по бедности своей выстроить едва-ли смогут.

И.д. [исправляющий должность] Благочинного, священник Константин Елеонский, 1904 г. сентября 6 дня».

Затем последовали долгие восемь лет ожидания. И только в 1911 году снова заговорили о проблеме церквей для переселенцев. Снова началась переписка Святейшего Синода и Тобольской консистории. В 1912 году было намечено открытие 131 прихода в переселенческих посёлках от Урала и до Дальнего Востока. Среди них – двенадцать приходов в Тобольской губернии. Двенадцатым по списку был назван приход посёлка Ермаковского.

В Москве открылись пастырские курсы и курсы псаломщиков для новых приходов. На Третьи пастырские курсы в Москву из Орловской губернии был направлен с блестящими рекомендациями учитель Георгий Якушин, а на курсы псаломщиков – Гавриил Журба из Полтавской губернии. Они стали первыми служителями открывшейся весной 1912 года ермаковской церкви, названной Никольской – в честь святителя Николая Чудотворца. Переселенцы помнили об оставленной на родине, в Беларуси, церкви с таким же именем.

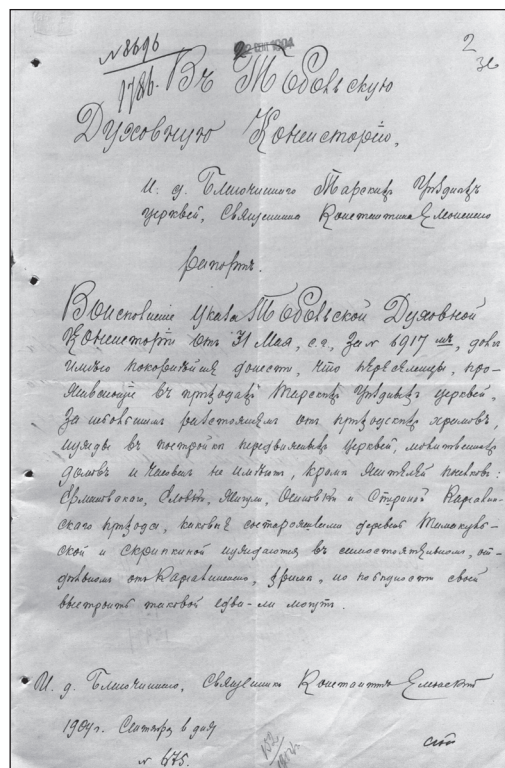
Хотя церковного здания в классическом его понимании в Ермаках ещё не было. Об этом свидетельствует клировая ведомость Никольской церкви за 1912 год: «Для села Ермаки приобретена походная церковь, помещается во вновь строящемся и неосвящённом молитвенном доме. Здание деревянное, на листовяжных сваях, с таковой же колокольной в одной связи».

Но крестьяне радовались и этому. Службы начались в конце мая.

Из клировой ведомости за 1912 год: «При церкви действует церковно-приходская школа, учреждённая в 1911 году. Размещается она в доме церковной сторожки». Первым учителем этой школы стал Димитрий Исидорович Ожгибесов.

И ещё оттуда же: «В церковной библиотеке находится книг для чтения предназначенных – 75 томов».

Первым церковным старостой 1 августа 1912 года был избран Евдоким Мельников, «из крестьян, неграмотный, шестидесяти одного года от роду».

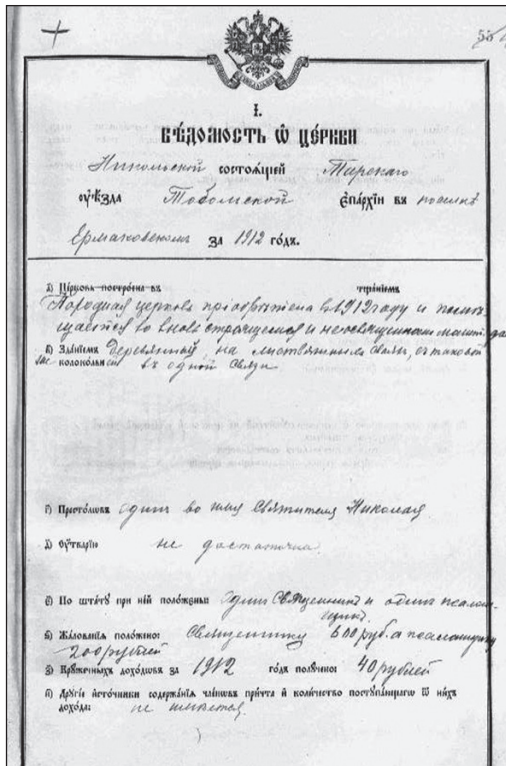

Рапорт священника Константина Елеонского. 6 сентября 1904 г. Госархив в г. Тобольске.

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ
№ 1 - 2018

Первая клировая ведомость ермаковской церкви - за 1912 год. Госархив в г. Тобольске.

**СОЛЪ
ЗЕМЛИ**
№ 1 - 2018

Итак, долгожданное событие произошло. Над сибирской тайгой, окружавшей деревни белорусов-переселенцев, над озёрами и реками, над распаханными полями зазвучал, наконец, колокольный звон.

Казалось, жизнь налаживается. Но этой налаженной, мирной жизни суждено было продлиться недолго. Приближался год начала Первой мировой войны, а за ним – 1917-й...

Смутное время

Два года подряд, день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем погружаясь в историю белорусских переселенцев конца XIX века, я постепенно добралась и до века двадцатого. И тут пришлось мне испытать не только радость открытия, но и боль от прикосновения к трагедии.

Сейчас я постараюсь, насколько смогу, рассказать, как отразились события тех лет на жизни села и моей семьи. Начну, оттолкнувшись от своих детских воспоминаний.

Сибирское село Ермаки. Я живу у бабушки. Мне тринадцать лет.

Как-то я заметала в кладовке рассыпанную муку и вдруг увидела висящие в углу старые охотничьи лыжи, которых прежде не замечала. Притащив их в кухню, спросила бабушку, чьи они.

– Дедовы, – ответила бабушка. – На охоту в них ходил. Иди, повесь на место, пусть висят там, где он их оставил.

Лыжи вернулись на место, но от бабы Ганны с расспросами я не отстала. Я ничего не знала ни о бабушкиной юности, ни о дед Семёне, ни о том, что с ним случилось. И, конечно, же, меня волновал извечный вопрос: а любила ли она его, своего Сёмку? Я была уже в том возрасте, когда меня начинала интересовать эта тема.

Бабушка неохотно рассказывала о своей жизни. Не любила говорить о себе. Я же не отставала и всё напирала: расскажи да расскажи про любовь.

Наконец она смилостивилась:

– Любила – не любила... Не знали мы тогда такого слова. А вот что жалела его, так это да. Он скорый был, Сёмка мой. Чуть я печь затоплю, а он уж за удочку, да на речку, наловит ведёрко рыбки к завтраку. А зимой, чуть что, так на лыжи эти и за зайцами, в лес...

Я не унималась и сердилась на бабушку: ей – про любовь, а она – про зайцев с рыбой. И так замучила её вопросами, что она вдруг, отложив веретено, сказала: «Ладно, расскажу. Была у меня симпатия – Гриша Босяков. Дружили мы с ним, ещё до германской войны. На вячорки ходили вместе, а уж танцевали как! Первой парой были, в кадрили особенно. Эх, и плясали мы...».

Я, взглянув на бабушку, поразились перемене в её лице: оно светилось! Баба Ганна, отбросив веретено, вскочила с лавки, на которой сидела за прялкой, схватила ухват, стоящий у печки, начала пристукивать им, и махнула мне рукой, предлагая хлопать ей в такт ладошами.

Она плясала кадрили, плясала так задорно, так молодо, что я не верила своим глазам. Больше такой весёлой и счастливой никогда её не видела.

И вдруг я поняла, что Гриша этот был с ней рядом сейчас, в этом танце, и что вот она – любовь – кружила их по кухне...

Немного отдышавшись и успокоившись, бабушка закончила свой рассказ.

Осенью 1913-го года заговорили в деревне о сватовстве. И вот день, которого она ждала, наступил. Но... Но лучше бы он не наступал. Потому что за Гришу сосватали не её, Ганну, а старшую её сестру Акулину. Так было заведено в те времена, что неприлично было младшей сестре выходить замуж раньше старшей, незамужней.

Отец их, Харитон Мельников, был человек крутого нрава, нарушать сложившиеся правила не хотел, и сказал сватам: «Хотите с нами породниться, берите за Гришу Акулину, а-то она вон, в девках, засиделась. А Ганну я поперёд Акульки не отдам, – молодая она ещё, найдётся и ей жених. Эта точно не засидится».

Так не случилось бабушкино счастье с Гришей Босяковым.

Эту историю я ещё раз услышала совсем недавно: ею поделилась со мной в Ермаках одна из дочерей Акулины и Григория – Зинаида Григорьевна Босякова, моя двоюродная тётя, и я, с её разрешения, пересказываю ту историю вам.

Свадьбу Григория и Акулины сыграли 26 января 1914 года. Венчал их в ермаковской Никольской церкви священник Георгий Якушин, а поручителем по невесте стал учитель школы Дмитрий Ожгибесов.

Я нашла метрическую запись о бракосочетании и вспомнила тогда бабушкину кадрили, её счастливое лицо... Копию той метрической записи я подарила тётке Зине на память: это был первый семейный документ её родителей.

Мирная и налаженная жизнь закончилась летом 1914 года: началась Первая мировая война, и пошли ермаковские мужики и хлопцы во солдатики. Не минула эта участь и Григория Босякова. Он ушёл на войну, где был ранен осенью 1915-го. (Об этом я узнала недавно благодаря интернету: нашла его имя на сайте «Памяти героев Великой войны 1914-1918 гг.».) Увечным, но живым, вернулся он домой, и радовалась этому Акулина, радовалась Ганна.

Не знаю, как жили они, сёстры, рядом, в одной деревне, и были ли они счастливы в своих семьях. Или жили по пословице: стерпится – слюбится? Не знаю. Но жили.

А баба Ганна моя ещё три года ходила в девках, пока не согласилась пойти замуж за Семёна Новикова, деревенского щёголя и гармониста. Может, отстрадала по своему Грише, а может, выбирать было не из кого: Первая Мировая унесла немало жизней ермаковских парней. Пошла за Семёна, которого знала с детства, ещё с Беларуси.

Свадьбу Ганны и Семёна Новиковых сыграли 22 января 1917 года, но венчал их в ермаковской Никольской церкви уже другой

*Зинаида Григорьевна Босякова.
Август 2017 г.
Фотография
Е.Л. Новиковой.*

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

*Сёстры
(в девичестве -
Мельниковы):
Акулина Харитоновна
Боссякова и Анна
Харитоновна
Новикова.
Ермаки, 1972 г.*

которых прокатывалось по всей стране. Казалось бы, так далеко от Петрограда и революционных потрясений февраля-марта 1917-го года жили белорусы-переселенцы, но волна новостей об отречении царя и приходе к власти Временного правительства быстро достигла и их сибирской глубинки, окунув её в этот непредсказуемый водоворот.

Однако к пониманию того, что происходило тогда в Каргалинской волости и, в частности, в Ермаках, я пришла совершенно случайно, даже не представляя себе, с какими сюжетами и поворотами событий столкнусь.

Постараюсь изложить все по порядку.

Я знала, что старшая дочь моей бабушки Прасковья родилась в 1917 году, и, как говорила мне не раз она сама, прямо накануне революции. Но, читая метрические книги ермаковской церкви за 1917 год, найдя там запись о бракосочетании бабушки и дедушки, я не смогла найти дату рождения их первой дочери Прасковьи. Ни в сентябре, ни в октябре, ни в ноябре, ни в декабре 1917-го записей о рождении Прасковьи Семёновны Новиковой не было. Я перелистывала страницы, теряясь в догадках. И однажды вдруг обратила внимание, что записей в самой книге после августа вообще поубавилось, особенно записей о рождении и бракосочетаниях.

Ну да, рассуждала я, всё-таки шла война, потом случилась революция, не до свадеб было. Но дети же рождались. Где-то же их крестили? И ещё я отметила, что в октябре исчезли в метрических книгах записи священника Пельца. Вместо него с 3 ноября редкие службы в Никольской церкви вёл некий «заведующий священник» Пётр Попов.

Что-то тут было не так.

В конце концов я всё-таки разыскала в книгах свою тётю Прасковью. Запись о её рождении нашлась в метрической книге Каргалинской Христорождественской церкви. Тётя родилась 10 октября, за две недели до Октябрьской революции, и была крещена 14-го числа.

Но и эта запись показалась мне странной.

Я знала уже, что её родители жили в Ермаках совсем недалеко от церкви и не понимала, почему они отправились крестить свою дочь холодной и промозглой осенью за тридцать вёрст в Каргалы.

Загадку мне помогло разгадать архивное «Дело об аресте священника Каргалинской волости Н. Пельца, выступавшего за со-

священник – Николай Николаевич Пельц. Он мне как-то сразу понравился своим отрывистым, властным почерком, своей размашистой подписью. Проглядывал характер сильного человека. И я не ошиблась в своих ощущениях. С именем этого священника будут связаны драматические события в жизни белорусских переселенцев после Февральской революции и отречения Николая II.

То было время смуты, противостояния, затянувшейся войны, бесконечных волнений, эхо ко-

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

хранение самодержавия в России», ссылкой на которое со мной поделилась Лариса Прокофьева. «Ого, – подумала я, – как интересно!». И, отложив метрические книги, стала его читать.

Дело было большим, на 173 листах. Речь в нём шла о человеке, защищавшим интересы переселенцев, которых во вверенном ему, священнику Николаю Николаевичу Пельцу, приходе насчитывалось к началу 1917 года три тысячи человек. То были крестьяне из семи переселенческих белорусских посёлков и двух старожильческих деревень – Тамакульской и Скрипкиной. Все они административно подчинялись Каргалинскому волостному правлению, но были отрезаны от него рекой Ишим, да и дорога в волость была не близкой – от 30 до 50 вёрст. Поэтому со всеми своими заботами крестьяне шли в ермаковскую церковь. И никакая смена власти в далёкой столице не могла для них нарушить этот уклад.

Но власть стремительно менялась и на местах – в губерниях, в уездах и в волостях. Хаос и неразбериха царили вокруг. И чтобы не дать этому пожару разгореться, в провинциях стали срочно создаваться так называемые комитеты общественного спокойствия.

29 марта 1917 года такой комитет был создан и в Каргалинской волости. Председателем комитета на двенадцатитысячном сходе крестьян из 26 деревень был избран настоятель ермаковской церкви Николай Николаевич Пельц – человек грамотный и уважаемый. Секретарём комитета избрали волостного писаря Михаила Григорьева – бывшего политкаторжанина. (Каргалы были местом ссылки.)

Однако вскоре между этими двумя людьми начались серьёзные разногласия.

Я не буду сейчас подробно описывать тот разгоревшийся конфликт. Суть его такова. Григорьев хотел любыми способами получить власть в волости, устраивая для этого разные провокации, подлоги документов, сталкивая старожилов и переселенцев. Пельц же защищал права комитета и отстаивал интересы крестьян. А крестьяне хотели одного: чтобы их оставили в покое и дали свободно трудиться на своей земле. Начиналась посевная, ходить в волость на бесконечные сходы у них не было времени – дорог каждый день и час. И однажды крестьяне Ермаковской общины в волость не пошли. Они больше не верили волостной власти. До них доходили слухи, что там, в волости, поговаривают: «много земли у этих переселенцев и надо бы эту землю у них отнять».

Это были предвестники грядущей революции, один из лозунгов которой, как и любой революции, звучал просто: «Отнять и поделить».

Защитить переселенцев было некому, и 30 апреля 1917 года на сходе в Ермаках они обратились к священнику Николаю Пельцу с прошением. Прочитую часть этого уникального документа:

«Мы постановили просить и просим Вас, Отец Николай, принять на себя защиту наших интересов и уполномочиваем Вас войти с личным докладом к Председателю Государственной Думы, Крестьянским депутатам Думы, к Министру Юстиции и при сем ходатайствовать перед Государственной Думой о выделении нас, девяти нижепоименованных селений, в отдельный Комитет Ермаковский и дать нам возможность мирно заниматься своим трудом и иметь своё самоуправление. Просим Вас, Отец Николай, принести от нас новому Правительству выражение нашей предан-

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

Я священник пос. Ермаковское, Тарского уезда Николай Пельца считаю себя совладельцем помещичьих имуществ Переселенцев в Каргалинскому Волостному Комисариату ввиду того как ликвидированы при Уставе Населения новые законодательные выданы на основе Правил от Волостной Комиссарии. Действительно представил Пельца Григорьева, воеводу новованно против себя не только в округе Переселенцев, но также и в селении Переселенцев Староносинского — он отвечает неформально на действительный пункт Волостной.

Мною Зависело и подтверждено в аналитическом отношении эти акты в отношении в Уставе Правлений и в начале эти только уезд и Григорьевский район Каргалинской Волости давал возможность вольности Переселенцев — селения Староносинского и Переселенцев — селения Ишима селения Комиссарии с административной принадлежностью к уезду Тарскому и также новым Комиссарией воеводством нормальное течение жизни. Волость же при Уставе Волостной по Уставу Григорьева унаследована и возвращена императором совершено и безоговорочно.

12 июня 1917 г.
 Священник Николай Пельца

Заявление священника Николая Пельца от 12 июня 1917 г. Госархив в г. Тобольске.

То есть белорусы-переселенцы были готовы подчиняться любой власти, лишь бы иметь возможность мирно трудиться на своей земле, возделанной их многолетним тяжким трудом. И поддерживал крестьян в этом ермаковский священник Николай Николаевич Пельца.

Вообще, чем больше я изучала архивные документы, тем больше понимала, что в то смутное время деревенская церковь оставалась для переселенцев единственным «островком справедливости», куда они ещё могли прийти со своими просьбами и надеждами.

Но крестьяне и сами предпринимали попытки защитить себя.

4 июня 1917 года жители семи белорусских поселений на очередном народном сходе в Ермаках выносят постановление, в котором сообщают, что не признают нынешнюю волостную власть, считают незаконно сформированной, требуют от правления Каргалинской волости её расформирования, раздела имущества и денег. В том же постановлении они сообщают, что выходят из состава волости, что ими, переселенцами, возбуждено ходатайство об образовании самостоятельной Ермаковской волости.

Это был протест, который властям следовало усмирить.

В «деле священника Пельца» есть отчёт о реакции на эти события от члена Тарского уездного исполкома Ф.И. Старяжевского, направленный 16 июня 1917 года Тарскому городскому и уездному комиссару. Там говорится: «В настоящее время с уходом священника Пельца от вмешательства в общественное управление положение в Каргалинской волости улучшилось и разъяснив пе-

ности и веры в то, что оно не даст нас в обиду и устроит нашу жизнь. К сему добавляем: если нам будет разрешено образование самостоятельного комитета, то к нам желают кроме девяти селений: Ермаковского, Осинового, Еловского, Пестовки, Тамакульского, Скрипкиной, Жигуль, Спирихи и Муравинного присоединиться и селения находящиеся вблизи нас по правую сторону речки Ишима который и будет служить своей границей новой Ермаковской волости...».

Под этим прошением стоят фамилии и подписи трёхсот человек — представителей переселенческих посёлков.

ГОЛЬ
 ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018

реселенцам прихода Ермаковского о невозможности выхода из состава Каргалинской, Ермаковской из шести самых бедных переселенческих поселков, которые не в силах будут содержать самостоятельную волость и о нежелательности такого раздела до новой земельной реформы и введения земства в Сибири».

Ответа на своё прошение, переданное через священника Николая Пельца в Думу и Временное правительство, переселенцы не получили. Вопрос, дошло ли оно вообще до адресатов? Известно лишь, что вскоре священник Пельц был арестован. Прихожане остались без своего защитника.

Саму же церковь ждала трагическая судьба.

«Красное колесо»

В октябре 1917 года власть в Петрограде переходит к большевикам. Через короткое время в стране начинается Гражданская война.

Об этом периоде написано много книг, снято много фильмов. Я хочу поделиться лишь несколькими эпизодами, произошедшими в родных для меня местах.

Разумеется, я знала о коллективизации, о репрессиях тридцатых годов, читала «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, слышала о его романе-эпопее «Красное колесо». Но описанные там трагические события казались мне мало связанными с историей глухого сибирского села Ермаки, которое даже местные жители считали «медвежьим углом».

Однако выяснилось, что безжалостное «Красное колесо» не пощадило ни эти края, ни моих земляков, ни близких.

Любая гражданская война в любой стране – страшная трагедия. Линия фронта этой войны проходит не через леса и поля. Она проходит в душах и умах людей, заставляя брата стрелять в брата, сына поднимать саблю на отца.

События той войны всё ещё вспоминаются и в Ермаках. На сельском кладбище есть скромный обелиск, выкрашенный синей краской и увенчанный пятиконечной красной звездой. В годы моего детства этот обелиск был безымянным, но все жители знали, что там похоронены братья Павел и Антон Черняковы, зверски убитые в годы Гражданской войны. Никаких точных сведений об их гибели ни у кого не сохранилось, толком никто не мог рассказать об этом нам, пионерам и комсомольцам, ухаживающим в те годы за памятником.

Но вот не так давно в социальной сети я наткнулась на старую заметку из викуловской газеты «Красная звезда» за 1958 год, выложенную одним из потомков семьи белорусских переселенцев Черняковых. Автором этой заметки был Елисей Дорофеевич, брат погребённых под обелиском Павла и Антона. Он рассказал в газете, что ермаковские крестьяне в массе своей приняли советскую власть. Когда же советы были свергнуты, большинство крестьян ушло в

Павел Дорофеевич Черняков с женой Марией. Ишим, 20 июля 1914 г. Фотография из семейного архива Черняковых.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Обелиск братьям Черняковым на Ермаковском кладбище. 2017 год.
Фотография
Е.Л. Новиковой.

партизанский отряд. С партизанами, попавшими в плен, колчаковцы расправлялись жестоко. Среди таких пленных оказались и братья Елисей – Павел и Антон. Их зверски мучили и расстреляли в логу возле деревни Скрипкино. Там же были расстреляны ещё несколько десятков крестьян. Хоронить братьев Черняковых белогвардейцы запретили. Но Елисей с отцом вывезли тела и тайком похоронили на ермаковском кладбище.

(В прошлом году, приехав в Ермаки, я увидела, что на синем обелиске появилась табличка: «Воинам-партизанам Гражданской войны. Здесь похоронены Павел и Антон Черняковы, расстрелянные белогвардейцами в 1919 году».)

В том же логу у деревни Скрипкино стоит другой обелиск, до сих пор безымянный, потому что никто не знает, сколько крестьян или партизан было убито здесь вместе с братьями Черняковыми...

В Ермаках известно имя ещё одного человека – местного «Ивана Сусанина». Звали его Андрей Евдокимович Зубарев. Он был лесником. Во время Гражданской войны к нему пришли белогвардейцы и спросили, знает или нет, где красные. Зубарев сказал, что знает, и повёл их специально на болото, в другую сторону, к озеру Чирикуль. На этом болоте была проложена узенькая гать, шаг в сторону с которой – и все. Там они утопили свои пулемёты и сами утонули, а он вышел. Эту историю рассказала мне жительница Ермаков Феодора Даниловна Суздалева. Он был её родной дядя. (Заслуги перед революцией ему не зачли – в коллективизацию был раскулачен и выслан на Дальний Восток.)

К началу 1920 года голод пришёл в города. Крестьяне, хоть и находились в чуть лучшем положении, тоже едва сводили концы с концами. И тут новая власть показала, как она будет решать «крестьянский вопрос». Началась продразвёрстка. В сёла из городов направлялись отряды красноармейцев – изымать всё, чем деревня могла прокормить саму себя. Докатилась она и до Приишимья. В 1920 году в этом районе случился сильный неурожай; несмотря на это, с конца августа власти ввели в округе многочисленные развёрстки, оказавшиеся просто непосильными для крестьян. Продотряды свирепствовали в сёлах и деревнях Каргалинской волости. Из амбаров стали изымать не только продовольственный хлеб, но и всё семенное зерно, а это грозило неминуемым голодом.

Подобные меры вызвали резкое неприятие в крестьянской среде. Мне удалось отыскать один документ – рапорт старшего милиционера Каргалинской волости:

*«Начальнику милиции Ишимского района
Рапорт*

Довожу до сведения, что в Каргалинской волости фельдшера нет, уехал совсем. Болезнь развивается всё сильнее и сильнее. В Каргалинском волисполкоме полный хаос, сегодня тот председатель, завтра другой. Делопроизводство совсем стоит. Настроение волости обостряется, продналог. Продовольствия, хлеба нет. В селе Рябово стоит кавалерийский эскадрон».

То тут, то там случались жестокие столкновения крестьян с продотрядовцами. В итоге они переросли в мощное восстание. Начавшись в Приишимье в январе 1921 года, его пламя охватило в феврале-апреле огромную территорию Западной Сибири.

Я, к своему стыду, ничего не знала об этих событиях до прошлого года, пока не оказалась по архивным делам в городе Ишиме.

В один из дней я шла в архив через красивый сквер и обратила внимание на невысокий памятник. Я подошла, и увидела, что на гранитном кубе изображено знамя, на нём – буханка хлеба с отрезанными от неё несколькими ломтями. Подойдя поближе, прочитала надпись: «200-летию Отечественной войны 1812 года посвящается». Это был памятник Бородинскому хлебу.

Странные ощущения остались у меня от увиденного. Где Бородино, а где Ишим? Своим удивлением я поделилась, придя в архив, а заодно и поинтересовалась историей этого памятника. В ответ услышала, что не так давно на этом месте стоял другой, посвящённый жертвам восстания 1921 года. Но через какое-то время после торжественного открытия его демонтировали и перенесли на городское кладбище. Зачем это было сделано, мне до сих пор не понятно.

От работниц архива я впервые и услышала о крестьянском восстании 1921 года, о котором и поныне мало что известно. Несколько материалов о самом восстании я прочитала в выпусках альманаха «Коркина слобода». С его главным редактором я познакомилась, изучая историю ермаковской церкви. Зовут его Геннадий Андреевич Крамор.

Я была в совершенном потрясении от прочитанного и услышанного. Число погибших во время восстания крестьян было огромным – от тридцати до сорока тысяч. Общее же число участников достигало ста тысяч человек.

Достаточно сказать, что в известном Тамбовском восстании погибло примерно одиннадцать тысяч.

Для подавления вооружённых выступлений крестьян в феврале 1921 года во всех волостях создаются революционные комитеты (ревкомы). Был образован волревком и в Каргалинской волости. Одна из его сводок сообщала, что «охвачены восстанием все 36 деревень, убито два коммуниста, вычисляются по волости бандиты».

Мне захотелось узнать, а могли бы и мои переселенцы-белорусы быть его участниками? И такая информация нашлась. Хранительницы истории из Ишимского архива помогли найти интересующие меня документы, за что я очень благодарна этим самоотверженным людям.

Там, в архиве, читая списки первых избирателей в советы начала двадцатых годов по селениям Ермаковского сельсовета, я обнаружила перечень лиц, не пользующихся избирательным правом.

Среди таких «лишенцев» было несколько жителей деревни Еловка. В графе «Причина отстранения от выборов» стояла запись: «за участие в восстании 1921 года». И в деревне Спириха тоже были такие крестьяне-лишенцы.

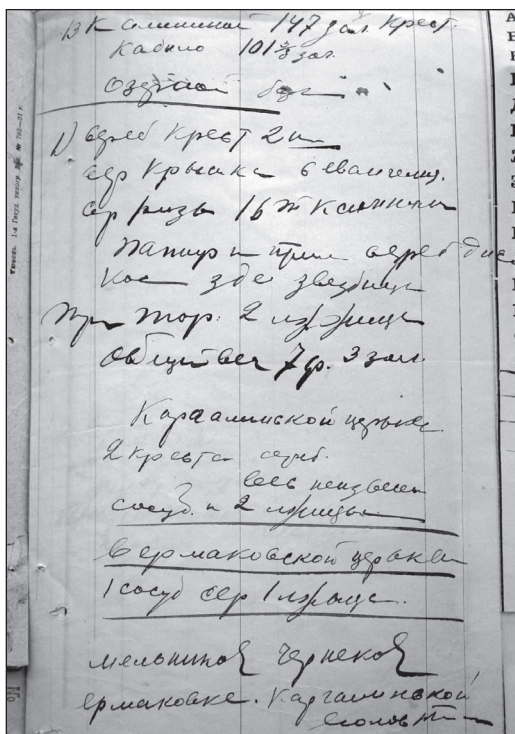
Андрей Евдокимович Зубарев, «ермаковский Сусанин». 1950-е гг. Фотография из архива Антонины Александровны Зубаревой, дочери Ф.Д. Суздалевой.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Запись об изъятии в Ермаках церковных ценностей.

1922 год. Госархив в г. Ишиме.

Позже, знакомясь с личными делами раскулаченных по Ермаковскому сельсовету, я узнала, что многие из них не просто поддерживали восставших, но и помогали лошадьми и провиантом. Власть также считала их «участниками бандитско-кулацкого восстания в 1921 году».

Но жизнь продолжалась несмотря ни на что. Все гонения и лишения не смогли заставить крестьян-переселенцев забыть традиции, почитаемые ими в родной Беларуси. В деревнях продолжали проводить крестные ходы, отмечать престольные праздники. Об этом я тоже узнала из документов, сохранившихся в Ишимском архиве.

Надо сказать, что архив этот обладает несметными богатствами – массой документов раннего советского периода всего Приишимья. Но документы эти до сих пор не оцифрованы: на это нет денег. Хотя для исследователей работать с подлинниками – великое счастье.

Помощь профессионалов, бережно хранящих эту подлинность истории, тоже дорогого стоит. Мне повезло встретить в Ишимском архиве таких людей. Низкий поклон им за это.

Я искала документы о ермаковской церкви после революции и кое-что там нашла. Благодаря этим документам открылись неизвестные мне страницы жизни моих белорусов-переселенцев.

С приходом советской власти, как мы знаем, в стране началась национализация. Было национализировано в том числе и всё принадлежащее церкви. Для меня первыми документами, подтверждающими это, оказались описи церковного имущества в Ермаках за несколько лет. Я читала и поражалась их доскональности.

Представители новой власти переписывали из года в год абсолютно всё: кружки, вьюшки, иконы, лжицы, блюда, кочерги, подсвечники, ризницы, печи, скамейки, кувшины, купели, кресты, хоругви, книги. Описи рассказали мне о том, что в 1924 году в церкви села Ермаки насчитывалось 48 икон и холщовая плащаница (образ Христа, снятого с Креста после распятия), подбитая бархатом. Она хранилась в деревянной позолоченной «гробнице». В звоннице было три медных колокола общим весом тринадцать пудов и двадцать шесть фунтов.

Много самых разных документов, касающихся церкви, нашла я в архиве. Но одним из них, меня поразившим, я с вами поделюсь.

Это заявление начальнику милиции Викуловского района, от церковного совета Ермаковской общины (орфография сохранена):

«Ермаковская Приходская Православная Община после окончательного весеннего посева ежегодно совершала крестные ходы по полям для служения молебнов, а также и по домам, – в нынешнем году Общине также желательно исполнить указанный религиозный обряд, – а посему Церковный Совет просит Вас, Т-щ Начальник, разрешить совершить крестные хода в 10-ти селениях нашего прихода по полям для служения молебнов и домам сроком с 15-го сего июня и по 5-е июля.

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

При сем прилагаем две рублёвых марки.

Церковный староста Босяков. 1930 года июня 4 дня».

Получалось, что верующие должны были теперь испрашивать у милицейской власти разрешения на то, что делали испокон века сами, не требуя чьего-либо согласия. Традициям крестных ходов в России был не один век, а тут...

На заявлении начертана резолюция начальника: «Разрешить Ермаковскому, Скрипкинскому, Тамакульскому и Жигульскому с/с с 15 июня по 25 июня 1930 г.»

Так и жили переселенцы. Из рассказов старожиллов мне известно, что и в пятидесятые годы ещё совершали жители Ермаков и Синовки свои крестные ходы. То дождя просили у Бога, то солнца. Это было свято. Это было у них в крови.

Разгром

Маховик Красного колеса раскручивался всё быстрее.

Приближался 1937 год.

Об этом тоже написано много, не буду повторять. Но есть один эпизод, связанный непосредственно с ермаковской церковью. Мне кажется, что в судьбе её, как в капле воды, отразилось то время.

Так случилось, что в 1937-м совпали Пасха и Первомайские празднества. Пасха выпала на 2 мая, а 1 мая – на Великую Субботу.

Предпасхальный день в Ермаках всегда был особенным: все, от мала до велика, готовились к главному православному празднику. Ребяшня отправлялась в лес за лапами пихты, которыми женщины украшали хаты. Во всех домах готовился праздничный стол: варились творожные пасхи и студни, пеклись куличи, красились в больших количествах яйца. Над селом стояли ароматы ванили и сдобы. Всю пасхальную снедь любовно собирали в корзины, которые укрывали специальными пасхальными рушниками и везли в церковь на освящение.

Из года в год, четверть века, начиная с 1912 года, жители девяти окрестных деревень съезжались на праздник в Ермаки, к Никольской церкви. Ехали нарядившись, целыми семьями – день Христова Воскресения был самым почитаемым у крестьян. Но накануне Пасхи в 1937 году случился другой, новый праздник – Первомай.

Для верующих Великая суббота перед Пасхой – и скорбный, и радостный день: Христос ещё лежит во гробе, Воскресение ещё не настало, но всё уже вокруг наполнено предпасхальной радостью. Великую субботу в народе ещё называют Тихой, так как в этот день не принято веселиться и развлекаться, стоит удерживаться от ссор и раздоров. А тут предстоял советский Первомай и демонстрация с флагами и лозунгами.

Уже двадцать лет жили крестьяне при новой власти, соблюдали все её правила, но такое совпадение праздников случилось в их жизни впервые... Ермаковцы, в большинстве своём верующие, растерялись и пришли к священнику за советом – идти ли на демонстрацию?

Священника ермаковской Никольской церкви звали Иван Корнилович Модестов. Он ничего не стал им советовать, а только объяснил, что предпасхальный день, Великая суббота – это всегда день покоя.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

*Не умершая традиция белорусских переселенцев из деревни Осиновка - перенос «Свечи» (иконы Воскресения) на Рождество Христово из дома в дом.
7 января 2011 г.
Фотография Р.Ю. Фёдорова.*

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

И крестьяне его услышали.

Так в тот год, впервые за двадцать лет, не случилось в Ермаках массовой демонстрации.

Но случилась Пасха. Последняя. Трагическая.

Утром 2 мая 1937 года к ермаковской церкви съезжались телеги и кошёлки со всех окрестных деревень. Плыл над лесами колокольный звон, слышимый на несколько километров. И вместе с ним, казалось, плыла над реками и озёрами великая Божья благодать...

Церковь была заполнена до отказа, тесно было и на площади перед ней. Началась служба. И тут произошло страшное. В окна храма с улицы полетели камни, кирпичи. Сельские «активисты» ворвались в церковь и стали её громить. Крушили иконостас, топтали плащаницу, со стен срывали иконы, бросали их на пол и разбивали.

О том, что случилось в этот день, мне рассказали совсем недавно две ермаковские долгожительницы: Феодора Даниловна Суздалева (Зубарева в девичестве) и моя тётя – Зинаида Григорьевна Босякова. Обе они до сих пор помнят эту бойню, это страшное безумие 1937 года. Вот рассказ Феодоры Даниловны, ей 95 лет:

«Тогда председателем сельсовета в Ермаках был еловский мужик Пётр Зайцев. Он и иконостас крушил, и колокола в речку сбрасывал. А ещё был Тимофей Тарасов, помню. Они главные там были.

У нас квартирант жил, продавец, так он маму мою предупредил, что церковь громить будут. Так и сказал: на службу не ходите. Но коли пойдёте, то супротив окон не становитесь, а к стенкам ближе, камни будут кидать в окна да кирпичи, поубивать могут.

А тот Зайцев, как всё разгромил в храме, так и слёг, ноги у него отнялись. Только к войне маленько отошёл, а его и на фронт забрали, да скоро и прихлопнули там. И Тимофея Тарасова тоже быстро убили...».

Распрашиваю Феодору Даниловну про икону из старой церкви, которая ей досталась при покупке дома. Она рассказывает:

«Жили мы в маленькой хатке, к шестидесятым немного денег скопили, да и решили купить дом, что продавала Елена Цитрикова. А в доме том была спрятана икона из церкви. Висела она у неё раньше в кладовке заместо двери.

А как-то пошла тая Елена в кладовку, да так сильно ударилась головой об эту икону-дверь, что и подумала потом, что надо икону в хату занести. Вот и занесла. И мы её увидели. Большая была икона, деревянная.

Елена дом продаёт, а икону не отдаёт. Ну, я её давай упрашивать. Она смилостивилась и говорит: выкопай мне за икону картошку на огороде. Я сутки ту картошку копала, и икона в доме осталась. А уж как переселилась в этот дом, так и икону в хате хранила. А она – вся битая да исцарапанная.

На иконе той стоит во весь рост Иисус Христос и глаза у него выколоты. Долго у нас икона стояла, а потом уж, как часовню-то в Ермаках новую открыли, в две тыщи четырнадцатом, так туда её и передали. Плакали, как отдавали...».

Я побывала потом в новом ермаковском храме-часовне, открытом в 2014 году, и видела эту икону, сильно изуродованную, исцарапанную. Стояла перед ней и думала: хорошо, наверное, что не стали её реставрировать и восстанавливать. Пусть остаётся такой, какой досталась ныне живущим в Ермаках потомкам тех переселенцев, которые жили здесь с верой и за веру свою пострадали – как и эта чудом уцелевшая икона.

И смотрит сейчас на нас с неё своими незрячими глазами Иисус Христос. И пусть видит, пусть знает – какие мы, нынешние...

А Зинаида Григорьевна Босякова (ей 87 лет) рассказала вот что:

«Я совсем малая была, всего шесть годов, а помню, как голосили бабы, кричали мужики, когда громили всё в церкви. А священник, как стоял, как молитву читал, даже никуда глазами не повёл, стоял, как вкопанный.

Потом выкидывали порушенные иконы на улицу. А те, что были под стеклом, заставляли нас, детей, разбивать камнями и кирпичами. Икон тех было ой как много! Церковь у нас богатая была, красивая очень.

Ну а после уж собрали все иконы, что выбросили, погрузили на телеги да свезли в пожарку. Велели из них парты да лавки делать для школы. Иконы-то были большие, на дереве писанные.

Икона Спасителя из ермаковской Никольской церкви. Передана в открытый в 2014 году храм-часовню Ф.Д. Суздалевой.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

*Храм-часовня
(молитвен-
ный дом) в
Ермаках, от-
крытый в 2014
году.*

*Август 2017 г.
Фотография
Е.Л. Новиковой.*

ну – «Троица», кажется, называлась. И выпросила у Филиппа её. Прятали долго потом её в казёнке. Ну, а после уж того, как в шестидесятые поспокойнее стало, так и в хату мы её занесли. Долго в красном углу стояла, до самой маминой смерти. А потом вскорости стали мы дом бурить, а икону куда? Подумали, подумали мы тогда с Паруней, – ну с тёткой твоей, Прасковьей – мы так её звали в Ермаках, снесли икону эту на кладбище и поставили у мамы в оградке. Дык украли её вскорости, а кто – не знаю. Но лет через пять вернули, а она уж такая вся, дождём да снегом битая... Так и пропала совсем, на дощечки рассыпалась.

Эх, – горюет тётя Зина, – это сейчас бы её плёнкой затянули да в церковь отдали, и нехай бы стояла, а тады – што? Ничого ж не было: ни плёнки, ни церкви, да и боялись ещё. Да и куды её было несть, кому?..».

«Тётя Зина, – спрашивала я её, – а что же потом-то было, куда ходили Богу молиться, Пасху справлять?» – «Да куда мы ходили... По хатам и ходили. И всенощные справляли перед Пасхой. Тихонько старухи соберутся да и читают всю ночь молитвы, а потом и поют: «Христос Воскрес! Христос Воскрес!». И бабы ходили, – тые, что раней на крылосе (клиросе) пели: Полька Воробьёва, Татьяна Грещенко».

Помолчав, тётя Зина сказала: «А знаешь-ка што? Мы ведь с Паруней как сильно роднились! Шибко я её любила. Хорошая она у нас была, а Бог счастья не дал». И ещё, помолчав, добавила: «Яна же замуж выходила за Павла Босякова, – слыхала ты про это? Да пожили они немного. Паруня в церкви нашей пела на крылосе, а ен, Павел, комсомольцем был, избачом работал в сельсовете. Вот и сказал он Паруне: выбирай, или – я, или церковь твоя, а то надо мной вся дярвеня смяецця. Ты выбирай, не то меня с работы выгонят».

И Паруня выбрала. Церковь. Она ушла от Павла назад, к родителям, а через год и вовсе уехала из Ермаков в Среднюю Азию. Это случилось после разгрома церкви.

И я подумала вдруг, слушая тётю Зину, что, знать, не судьба была моим родным – бабушке и тёте – стать Босяковыми...

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Тогда в пожарке работал сродственник наш Фёдор Босяков. Вот по ночам к нему туда под страхом смерти ходили бабы и старухи да крали иконы, а и Фёдор сам отдавал.

У нас в соседях жил мамин сродный племянник Филипп Созонтович Мельников. Он плотником был. Так ему непорухенные иконы свезли, поставили в предбанник. А мама моя, Акулина, возьми да высмотри там одну ико-

Дальше я расспрашивала тётю Зину о священнике Модестове, о том, помнит ли она его? И она мне рассказала:

«Не очень хорошо, но немного помню. Красивый был, умный. Очень любил в хаты в гости заходить. Вот и к нам ходил – с мамой и тятенькой беседовать. Сядет, бывало, на крыльцо, да и говорит. И волосы у него были такие красивые, длинные, почти до пояса. Расстреляли его после того, как церковь порушили. Жалко. Хороший был человек... Так и дядю моего тятеньки – Ефрема Илларионовича Босякова – тоже расстреляли, он при священнике этом в церкви служил, а кем – не знаю».

Я узнала. По документам, обнаруженным в прошлом году в Ишимском архиве, Ефрем Илларионович Босяков в тридцатые годы был старостой ермаковской Никольской церкви.

Первым после разгрома церкви был арестован священник Иван Корнилович Модестов. Это случилось 28 мая 1937 года. «Осуждён "тройкой" Омского УНКВД 23 августа 1937 г. Расстрелян в Омске 27 августа 1937 года. Реабилитирован 4 июля 1989 года». Ему было сорок четыре года.

28 июля 1937 года был арестован сторож ермаковской церкви Кузьма Макарович Зубарев. «Осуждён "тройкой" Омского УНКВД 15 августа 1937 года. Расстрелян в Ишиме 18 августа 1937 года. Реабилитирован 6 июня 1989 года».

Староста ермаковской церкви Ефрем Илларионович Босяков был арестован 15 февраля 1938 года. «Осуждён "тройкой" Омского УНКВД 10 марта 1938 года. Расстрелян в Омске 31 марта 1938 года. Реабилитирован 24 августа 1963 года».

Всё лето одиноко и сиротливо простояла на площади в окружении лип и берёз порушенная Никольская церковь. Судьба ей отвела совсем немного – четверть века, и она, казалось, смирилась со своей участью. Не звонили больше колокола на звоннице. Сброшенные с крутой горы в речку, они ещё долго блестели своими медными боками на солнце, пока их не затащило илом и ряской. В пустые глазницы окон церкви, всё ещё закованных красивыми ажурными решётками, ветер горстями бросал жёлтые листья берёз: наступала осень.

Но вот однажды пришли в церковь чужие люди, решившие, что теперь здесь будет очаг культуры – сельский клуб.

Первым делом в новый клуб «привезли кино» – чудо, доселе неведомое ермаковцам. Об этом тоже сохранились воспоминания старожилов. Ещё, говорят, кроме показа фильмов, устраивали новогодние ёлки для школьников и концерты художественной самодеятельности. В войну же церковь превратили в зернохранилище, куда свозили семенное зерно из всех окрестных деревень.

Иван Фёдорович Казаков, ныне живущий в Ялutorовске, рассказывал мне, как он в детстве вместе с ермаковскими мальчишками, вечно голодными, пробирался в церковь тайком и палочками из под пола выковыривал зёрнышки пшеницы.

Семинарист Иван Корнилович Модестов, будущий священник Никольской церкви в селе Ермаки, где служил в 1932-1937 гг. 1910-е гг. Фото-репродукция из архива дочери, Н.И. Селяниновой.

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

*«Свято место
- пусто...».
Здесь стояла
ермаковская
Никольская
церковь, а по-
том - деревян-
ный клуб.
Август 2017 г.
Фотография
Е.Л. Новиковой.*

А сразу после войны в здании церкви снова был клуб и какое-то время там даже проводили уроки физкультуры. Евдокия Елисеевна Ожгибесова, жительница села Викулово, вспоминала недавно, как лазала под купол по канату быстрее всех.

Иван Елисеевич Черняков, проживавший до недавнего времени в Викулово и уже ушедший, к великому сожалению, от нас в мир иной, рассказывал весной 2018 года, что недолго, в начале пятидесятых, после окончания школы работал библиотекарем в этом здании. В церкви была высокая лестница, которая вела в звонницу и на клирос. Библиотеку обустроили под высоким куполом в маленькой проходной комнате от клироса к звоннице и там, говорил Иван Елисеевич, было не повернуться, но книг стояло много: штук двести...

В середине пятидесятых принимается решение построить новый клуб рядом с разрушавшейся церковью. И пока его строили, жители села разбирали церковные стены на брёвна и растаскивали кто на что: кто на хлев, кто на дворовые постройки.

Новый клуб, о котором я уже рассказывала, открылся в 1957 году. Но удивительное дело: ему суждено было прожить немногим больше, чем церкви. В 1986 году на другой улице началось строительство каменного клуба. После его открытия деревянное здание бывшего клуба несколько лет стояло заброшенным, постепенно ветшая и разваливаясь. В 1997 году его снесли.

С тех пор, как рассказывали мне ермаковские старожилы, на месте, где стояла церковь, а затем был построен клуб, не растёт трава.

В августе 2017 года я гостила в Ермаках и пришла к этому месту – на бывшую церковную площадь. Теперь там пустырь. А земля наверняка ещё хранит остатки листовых свай церкви. Бережно хранит. Как память.

Трава там действительно не растёт...

**ГОЛЪ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Архивные источники:

Государственный архив в г. Ишиме:

Ф. 2, оп. 1, д. 114 (Приказы Ишимского уисполкома, 1921 г.).

Ф. 2, оп. 4, д. 68 (Списки избирателей в сельские советы, 1922 г.).

Ф. 3, оп. 4, д. 3426 (Списки кулаков Абатского и Викуловского районов, 1931 г.).

Ф. 3, оп. 6, дд. 29, 55 (Списки избирателей в сельские советы. Списки лиц, лишённых избирательных прав, 1923 г.).

Ф. 167, оп. 1, д. 3 (Устав Ермаковской религиозной общины Николаевской церкви. Протокол церковно-приходского совета. Описи церковного имущества Николаевской церкви Каргалинской волости. 1929-1930 гг.).

Ф. 167, оп. 1, д. 14 (Списки лишённых избирательных прав по Викуловскому району, 1925 год).

Государственный архив в г. Тобольске:

Ф. И-156, оп. 18, д. 171 (О предоставлении Благочинными Тобольской епархии сведений о церквях и молитвенных домах в переселенческих посёлках).

Ф. И-722, оп. 1, д. 150 (Об аресте священника Каргалинской волости Н. Пельца, выступавшего за сохранение Самодержавия в России, 1917 г.).

Ф. И-154, оп. 12, дд. 422, 423, 424 (Книга льготных переселенцев по Тарскому округу Тобольской губернии, 1782-1919 гг.).

Ф. И-156, оп. 19, дд. 209, 211, 212, 213, 214, 215, 224-228 (Клировые ведомости Тарского, Ишимского и Тобольского уездов Тобольской епархии).

Ф. И-154, оп. 15, д. 2433 (Резолюции 2 стола 2 отделения Тобольской казённой палаты о причислении и исключении переселенцев по Тобольской губернии. Списки переселенцев).

Государственный архив Тюменской области:

Ф. И-255, оп. 9, дд. 44-56 (Метрические книги Каргалинской Христо-Рождественской церкви Тарского уезда).

Ф. И-255, оп. 9, д. 26-29 (Метрические книги Ермаковской Никольской церкви Тарского уезда).

Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО):

Ф. И-13 (Заведующий передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири Министерства земледелия Российской империи; г. Челябинск Челябинского уезда Оренбургской губернии, 1884-1917 гг.), оп. 1, дд. 108, 205, 209, 213, 225.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ):

Могилёвская губ., ф. 2301, д. 2552 (Указы Синода. Отчёты о состоянии епархии, описи имущества церквей и монастырей. Дела о ревизиях церквей, строительстве, ремонте, страховании церквей, монастырей, церковно-приходских школ, наделении церквей и монастырей землёй, сдаче её в аренду, земельных спорах, приходе и расходе церковных денежных сумм, злоупотреблениях духовенства. Формулярные списки церковно- и священнослужителей. Книги брачных обысков, исповедные ведомости. 1701-1917 гг.).

**ГОЛЬ
ЗЕМЛИ**

№ 1 - 2018

Основная библиография:

1. Кончаловский Е. *Слушай, русский переселенец! (Советы ходока, как лучше устроиться русскому переселенцу в далёкой Сибири).* – СПб., 1909.
2. Ракито В. *Взгляд в прошлое. История водворения белорусских семей в Восточной Сибири.* // Электронный ресурс: <http://www.pribaikal.ru/talci-article/article/15412.html>.
3. Самойлов С. И. *Записки переселенца* // Электронный ресурс: <http://rodinkinakarte.ru/post2/103805>.
4. *Сибирское переселение в 1899 году. Вып. 2.* – СПб.: Переселенческое управление МВД, 1899.
5. Телешов Н. Д. *Самоходы* // *Рассказы. Повести. Легенды.* – М.: Советская Россия, 1983. – С. 105-115.
6. Устинович Н. С. «Самоходы»: семейная хроника // *Енисей.* 1963. № 4 (40). – С. 39-52.
7. Фёдоров Р. Ю. *Историко-этнографические аспекты жизни белорусских переселенцев в Сибири в литературных источниках* // *Традиционная культура белорусов во времени и пространстве.* – Минск: *Беларуская навука*, 2013. – С. 459-463.
8. Фёдоров Р. Ю. *Механизмы идентичности и трансформаций традиционной культуры белорусских переселенцев в Западной Сибири* // *Традиционная культура белорусов во времени и пространстве.* – Минск: *Беларуская навука*, 2013. – С. 367-378.
9. Фёдоров Р. Ю. *Панцирные бояре в Западной Сибири: модели расселения* // *Традиционная культура белорусов во времени и пространстве.* Минск: *Беларуская навука*, 2013. С. 40-47.
10. Фёдоров Р.Ю., Багашев А.Н., Фишер А.Н. *Обычаи и обряды, связанные с жилищем, у белорусских крестьян-переселенцев в деревне Ермаки* // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі.* Вып. 20 / *Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка.* – Минск : *Права і эканоміка*, 2016. – С. 435-440.
11. Фёдоров Р. Ю., Татаринцев В. А. *Традиции «колядований со звездой» у белорусских переселенцев в деревне Новоберезовка* // *Традиционная культура белорусов во времени и пространстве.* – Минск: *Беларуская навука*, 2013. – С. 162-166.
12. Чарушин А. А. *Крестьянские переселения в бытовом их освещении.* – Архангельск: *Губернская типография*, 1911.

ГОЛЬ
ЗЕМЛИ

№ 1 - 2018